

За нимъ выступилъ проф. Б. съ докладомъ объ издательской комисіи. Изъ доклада этого мы узнали, что 11 выпусковъ книгъ для народа вышли уже благополучно изъ цензуры и что не сегодня-завтра народная литература обогатится новыми хорошими произведеніями въ количествѣ 110.000 экземпляровъ.

Затѣмъ былъ прочитанъ отчетъ о трехъ ежедневныхъ школахъ и одной воскресной, состоящихъ въ вѣдѣніи Общества грамотности, о комисіи народныхъ чтеній съ постоянно возрастающими въ различныхъ частяхъ города народными аудиторіями, о дѣятельности двухъ отдѣленій Общества—Сумскаго и Славянскаго и о женской ремесленной школѣ, учредительница которой уѣзжаетъ въ непродолжительномъ времени въ Петербургъ, причемъ А. П. Ш. обратился къ общему собранію съ предложеніемъ избрать ее въ почетные члены.

Когда я подошла къ ящику, накрытому зеленымъ сукномъ, и взяла въ руку избирательный шаръ, дѣло это показалось мнѣ весьма серьезнымъ, и мнѣ очень хотѣлось рѣшить его по совѣсти. Между тѣмъ, въ глубинѣ души я ощущала нѣкоторое колебаніе. Въ сознаніи моемъ возникло нѣсколько «но» по отношенію лица, которое предложено было въ почетные члены, какъ, напр., отсутствіе горячей пищи въ продолженіе долгихъ лѣтъ для ученицъ, работающихъ въ ремесленной школѣ; кромѣ того, мнѣ припомнились и мои личные счеты съ этой самой учредительницей и ея лишенная справедливости отношенія ко мнѣ. Но другой голосъ говорилъ мнѣ: «много-ли людей работаетъ для школы столько, сколько работала она долгіе годы? Многие-ли загораются священнымъ огнемъ къ общественной дѣятельности и жаждою внести благо въ жизнь?» И протянутая рука моя положила шаръ направо. Когда дѣйствіе это было совершено, я вдругъ подумала: «Всѣ-ли шары окажутся избирательными, и если кто-нибудь положить налѣво, это навѣрное будетъ отнесено на мой счетъ, такъ какъ всѣмъ извѣстны наши недружелюбныя отношенія». Но, къ счастью, всѣ шары оказались избирательными, чему я была отъ души рада.

Во все время собранія меня занималъ вопросъ, что это за папку держитъ въ рукахъ одна изъ учительницъ школъ Общества грамотности и почему она имѣетъ такой взволнованный и сконфуженный видъ? Впослѣдствіи оказалось, что папка эта заключала въ себѣ адресъ, составленный учительницами въ честь распорядителя мужской воскресной школы. Учительница прочла его трепетнымъ, надрывающимся голосомъ, но онъ показался мнѣ чрезвычайно трогательнымъ. Распорядитель мужской воскресной школы, положившій на нее много труда и хлопотъ, долго хворалъ въ послѣднее время, съ трудомъ поднялся по высокой лѣстницѣ городского дома и, несмотря на свой болѣзненный видъ, весь полонъ былъ желанія приняться снова

за свое любимое дѣло. И вотъ этотъ адресъ явился, на мой взглядъ, исполнѣ ктати и производилъ трогательное впечатлѣніе.

Затѣмъ предсѣдателемъ предложено было содѣйствовать основанію народной бібліотеки въ Липцахъ и воскресной школы въ Богодуховѣ.

Въ общемъ, собраніе производило на меня самое радостное впечатлѣніе. Прежде всего А. П. III. предложилъ меня въ предсѣдатели. и хотя я наотрѣзъ отказалась отъ этого, мотивируя свой отказъ незнакомствомъ съ вопросами, но все-таки мнѣ было это чрезвычайно пріятно, и подобное предложеніе я считала для себя большою честью. Затѣмъ, почти каждое изъ филиальныхъ отдѣленій Общества грамотности, читая свой отчетъ, благодарило меня то за матеріальную поддержку, то за сочувствіе, то за снабженіе картинами для волшебнаго фонаря. Я чувствовала себя въ самомъ прекрасномъ расположеніи духа и вышла-бы изъ собранія исполнѣ счастливою, если-бы не произошло заключительнаго эпизода, отъ неожиданности котораго, говоря безъ преувеличеній, мнѣ чуть не сдѣлалось дурно.

Я считала собраніе уже законченнымъ, когда предсѣдатель началъ рѣчь, въ которой фигурировало слово «юбилей». Въ первую минуту мнѣ показалось, что это касается чествованія Моцарта и музыкальнаго общества, которое праздновало юбилей его именно въ этотъ день. «Какая связь между Моцартомъ и Обществомъ грамотности?» думалось мнѣ. Положимъ, музыка имѣетъ также воспитательное значеніе, но все-таки... Каково-же было мое удивленіе, когда я услышала свое имя и фамилію въ связи съ предложеніемъ чествовать мою скромную 30-ти-лѣтнюю школьную дѣятельность 13-го мая. Когда я силюсь припомнить теперь, что именно говорилъ предсѣдатель, я не могу припомнить ни слова: настолько была смущена я; но, собравшись съ послѣдними силами, я все-таки поднялась съ мѣста и попросила право голоса. «Я настолько поражена и озадачена вашимъ предложеніемъ, Андрей Петровичъ, — сказала я, — что удивляюсь своей способности произнести эти нѣсколько словъ; но я должна произнести ихъ въ свою защиту. Я должна сказать, что моя скромная школьная дѣятельность совершенно не гармонируетъ съ громкимъ словомъ «юбилей», и мнѣ невыразимо хочется отказаться отъ предлагаемой мнѣ чести. Правда, день этотъ дорогъ мнѣ, какъ начало работы для любимаго дѣла и, ничего не зная еще о вашихъ замыслахъ, я мечтала отпраздновать его въ тѣсномъ кружкѣ своихъ друзей и сотоварищей по школѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я исполнѣ ясно сознаю, что рамки того дѣла, которое дѣлаю я, слишкомъ ограничены и насильственно раздувать ихъ было-бы большою натяжкой. Есть здѣсь и еще другая сторона, несравненно болѣе важная и

серьезная,—это отношенія официальной сферы къ подобнымъ юбилеямъ и чествованіямъ. На другой день послѣ того, какъ я прочла свой скромный адресъ въ день чествованія д-ра В. А. Франковского, ко мнѣ явилось официальное лицо и разъяснило мнѣ всю неумѣстность подобнаго дѣйствія. Лица и учрежденія, подвѣдомственные Министерству Народнаго Просвѣщенія, могутъ принимать участіе въ оваціяхъ не иначе, какъ съ разрѣшенія Министра. Такимъ образомъ, чувствуя лично меня, вы можете повредить дѣлу, которымъ такъ дорожу я».

Когда я окончила свой протестъ, С. А. Р. всталъ съ своего мѣста и весело возразилъ мнѣ: «Всѣ мы очень хорошо знаемъ, Христина Даниловна, насколько вы дорожите вашимъ дѣломъ, насколько вы осторожны и предусмотрительны, но позвольте увѣрить васъ, что мы не дадимъ вамъ повода къ опасеніямъ и сзумѣемъ чествовать васъ безъ всякихъ пагубныхъ послѣдствій».

Это вышло чрезвычайно мило со стороны официального лица, но я все-таки выходила изъ собранія взволнованная, съ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ. «Зачѣмъ это, зачѣмъ, Боже мой!» мучительно думала я. «Мало-ли и безъ того я испытала въ жизни всякаго рода волненій, тревогъ, непріятностей?! Мало-ли злословія возбуждаю я на тему о моемъ самолюбіи и тщеславіи и не дастъ-ли это мнѣ еще нѣсколько новыхъ враговъ?!..» «Что мнѣ дѣлать, какъ разстроить это?» говорила я, спускаясь съ лѣстницы, человѣку, съ которымъ я безгранично откровенна, и услышала въ отвѣтъ: «разстраивать это поздно и невозможно, такъ какъ извѣстія о чествованіи разошлись чуть не по всей Россіи, и вамъ остается одно—молчать».

Голова моя горѣла и, чтобы освѣжить ее, я поѣхала кататься за городъ. Легкій, ласкающій вѣтерокъ дулъ мнѣ прямо въ лицо; мелкія пушинки снѣга цѣлымъ снопомъ вертѣлись вокругъ зажженныхъ фонарей; блѣдная луна то пряталась за тучи, то тихо выплывала изъ-за нихъ, освѣщая пустынное поле. Гдѣ-то издали слышенъ былъ лай собакъ, напоминающій деревню. Все это какъ-то успокоительно дѣйствовало на нервы, все это убаюкивало меня, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ тревожныя думы ушли куда-то далеко, и мнѣ пріятно было дышать этимъ смягченнымъ воздухомъ, предвѣстникомъ ранней весны...

Среда, 25-го марта 1892 г.

Въ виду предстоящаго праздника Благовѣщенія, я предложила моимъ ученицамъ, не хотятъ-ли онѣ собраться для занятій въ школу, и въ то-же время вдругъ подумала испуганно: не слишкомъ-ли великъ этотъ праздникъ для занятій, и мнѣ пришло на память изреченіе, что въ этотъ день даже «птица гвѣзда не вьетъ». Но дѣло

было сдѣлано. Оставалось только подѣлиться съ ученицами своимъ раздумьемъ, и я подѣлилась.

«Къ ранней обѣднѣ пойдемъ, а потомъ придемъ заниматься; какой-же тутъ грѣхъ?» поддержала меня дворничиха. И мы порѣшили на этомъ. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Во вторникъ я узнала, что мнѣ предстоитъ поѣздка въ Петербургъ, въ четвергъ, въ 7 ч. утра. Собрать бумаги, привести дѣла въ порядокъ, уложиться — все это требуетъ времени, а въ запасѣ у меня одинъ день — среда, въ который назначены занятія съ ученицами и крестины новорожденной внучки.

Мнѣ не легко казалось соединить все это. Какъ вдругъ явилось обстоятельство, посягнувшее на все мое время: я получила отъ уважаемаго проф. Д. И. Б., предсѣдателя издательской комиссіи Общ. грам., слѣдующую записку:

«Многоуважаемая Христина Даниловна!

Беру на себя смѣлость предложить вамъ на разсмотрѣніе одну рукопись — рассказъ А. Доде «Прекрасная Нивернеза». Было-бы очень пріятно, если-бы вы дали *устный* отзывъ о немъ въ засѣданіи нашего издательскаго комитета, назначенномъ на завтрашій день (среда, въ 7½ час. вечера) въ школѣ Общ. грам., что на Скрыпницкой улицѣ.

Рукопись при семъ прилагаю.

Съ полнымъ почтеніемъ Д. Б.».

Прочитавъ эту записку, я послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія рѣшила взвалить себѣ на плечи и это дѣло, и вотъ почему: при возникновеніи комиссіи въ началѣ зимы меня усиленно просили принять въ ней участіе, но я наотрѣзъ отказалась въ виду одолевавшихъ меня текущихъ дѣлъ. Но въ послѣднее время дѣятельность комиссіи возбудила во мнѣ самый живой интересъ, и мнѣ невыразимо хотѣлось бывать тамъ, а меня, какъ нарочно, никто не приглашалъ туда, и идти безъ приглашенія было совѣстно. И вдругъ получаю эту записочку, открывающую мнѣ доступъ къ интересующему меня дѣлу. Возможенъ-ли при этомъ новый отказъ съ моей стороны, новое уклоненіе отъ участія? Не теряя ни минуты, я развернула рукопись «Прекрасной Нивернезы» и начала читать. Рассказъ произвелъ на меня самое хорошее впечатлѣніе; но этого казалось для меня мало: мнѣ захотѣлось провѣрить его съ ученицами. И вотъ на другой день, явившись въ школу, я рассказала имъ исторію возложеннаго на меня порученія и спросила, согласны-ли онѣ прослушать рассказъ? Заручившись согласіемъ, я просила Т. С. Дорошевскую прочесть его, а сама слушала его съ карандашемъ въ рукахъ и дѣлала бѣглыя замѣтки по пути. Эта нервная работа чрезвычайно утомила меня; но до крестинъ оставался всего-на-всего часъ, и мнѣ неизбежно

было продиктовать рецензію для прочтенія ея въ издательской комисіи вечеромъ. Голова моя трещала отъ усиленной работы и я едва держалась на ногахъ; но мысль о предстоявшей вечеромъ желанной комисіи придавала мнѣ силы и я, шагая взадъ и впередъ по нашему музею, продиктовала Теофіли Севериновнѣ слѣдующую рецензію:

Прекрасная Нивернеза. Исторія одного стараго судна. Д. И. Б. обратился ко мнѣ вчера съ просьбой прочесть настоящий рассказъ и дать о немъ свой устный отзывъ. Согласно этой просьбѣ, я прочла его вечеромъ въ одиночку и вынесла то хорошее впечатлѣніе, которое обыкновенно производятъ талантливые рассказы Додэ. Это впечатлѣніе заставило меня порадоваться тому, что «Прекрасная Нивернеза» выйдетъ въ 10.000 экземплярахъ для народа и навѣрное доставитъ десяткамъ тысячъ читателей минуты эстетическаго удовольствія. Увѣренность эта была построена на той обычной мѣркѣ, съ которой подхожу я къ произведеніямъ, предназначеннымъ для народа: если интеллигентный человѣкъ выноситъ благопріятныя впечатлѣнія и читаетъ рассказъ съ захватывающимъ душу интересомъ, то рассказъ этотъ точно также захватитъ душу читателя изъ народа и оставитъ въ ней замѣтный слѣдъ. Одно усмотрѣла я по пути—это незначительныя шероховатости въ литературныхъ выраженіяхъ переводчика, которыя, само собою разумѣется, легко могутъ быть исправлены.

Перечитывая рассказъ, я весьма сожалѣла, что незнакома съ подлинникомъ и такимъ образомъ лишена возможности знать, какія именно сдѣланы въ немъ сокращенія, и судить, насколько они удачны. Пожалѣла я также, что на заглавномъ листѣ рассказа не стоитъ имени автора, хотя-бы въ такой формѣ: «по Додэ». Мнѣ кажется всегда желательнымъ и полезнымъ приучать народъ вглядываться въ имена и имѣть любимыхъ авторовъ, какъ имѣемъ мы; по крайней мѣрѣ, въ библіотекѣ воскресной школы я обращаю съ этою цѣлью вниманіе ученицъ на заглавный листокъ.

Вотъ все, что замѣтила я при одиночномъ чтеніи; но читать въ одиночку и читать съ малограмотными людьми—совсѣмъ не одно и то-же. Слова, выраженія, понятія, которыя незамѣтно скользили по васъ въ одиночномъ чтеніи, вдругъ пріобрѣтаютъ въ вашихъ глазахъ совсѣмъ иное значеніе. Вотъ почему, перечитывая «Прекрасную Нивернезу» съ ученицами, не окончившими азбуки, я замѣтила, что незнакомыя имъ слова «судно», «палуба», «корма» стоятъ безъ объясненія; что незамысловатаго слова «найденнпшъ» никто никогда не слыхивалъ изъ нихъ; что интеллигентная поговорка «пороху не выдумаетъ» имъ неизвѣстна, а потому и самый юморъ остался неза-

мѣченныѣ; что слово «экипажъ» вызвало недоумѣніе и на вопросъ мой, кого называютъ такъ, взрослая дѣвушка отвѣчала: «въ него запрягаютъ лошадей»; что названіе «Сена» безъ комбинаціи со словомъ «рѣка», несмотря на первоначальное объясненіе, было принято на послѣдующей страницѣ за сухую траву—сѣно, а другая дѣвушка замѣтила: «нѣтъ, это вода!» Даже отдѣльныя выраженія, какъ напр.: «красивыя дамы станутъ по немъ съ ума сходить»,—вдругъ показали мнѣ совсѣмъ несоотвѣтствующими мечтаніямъ русскаго простаго человѣка, и на меня какъ-бы пахнуло отъ нихъ французской жизнью и нравами. Но въ общемъ разсказъ все-таки былъ прекрасно понятъ и произвелъ благопріятное впечатлѣніе. Ученицы съ удивительной чуткостью поняли, напр., душевное состояніе Виктора и его грусть по семьѣ, пріютившей его когда-то. «Онъ все думалъ о своемъ семействѣ, о своихъ прежнихъ родителяхъ, затосковалъ по нихъ», говорили они во время описанія его болѣзненнаго бреда. А пониманіе душевнаго состоянія дѣйствующихъ лицъ и ихъ взаимныхъ отношеній является, конечно, самымъ доказательнымъ отвѣтомъ на вопросъ, насколько понятъ разсказъ читателемъ изъ народа.

Продиктовавши эту рецензію, я поѣхала на крестины. Обрядъ крещенія показался мнѣ необыкновенно долгимъ и особенно то время, когда я съ сильнѣйшей головной болью и головокруженіемъ, съ необычайной заботой и нѣжностью держала на рукахъ это крошечное, миниатюрное существо, этого будущаго человѣка, вступающаго въ неизвѣстную ему жизнь. Послѣ обряда крещенія насъ ждалъ завтракъ, но тутъ уже я не выдержала и, сознавшись въ своей головной боли, отпросилась домой раньше другихъ гостей. Времени для отдыха оказалось весьма мало и черезъ $1\frac{1}{2}$ —2 часа, выпивши нѣсколько чашекъ крѣпчайшаго чаю, который обыкновенно помогаетъ мнѣ отъ головной боли, я входила уже въ засѣданіе комиссіи съ своей «Прекрасной Нивернезой» въ рукахъ. Прочла я ее громко, отчетливо, съ выраженіемъ, и, очевидно, участники остались довольны моимъ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ возложенной на меня обязанности. Я и сама чувствовала себя въ своей сферѣ, читая этотъ отзывъ на беллетристическое произведеніе. Но когда мой маленькій триумфъ, какъ казалось мнѣ, кончился, и председатель попросилъ секретаря приложить мой отзывъ къ протоколу, приступили къ чтенію рукописи «Уссурийскій край». Сознавая свою полную некомпетентность въ произведеніяхъ научнаго содержанія и желая даже подчеркнуть это какимъ-либо внѣшнимъ проявленіемъ, я отошла отъ комиссіоннаго стола и сѣла поодаль съ одной изъ участницъ дѣла. Читалъ рукопись молодой профессоръ, беззавѣтно увлеченный предметомъ, о которомъ шла рѣчь. Но это беззавѣтное увле-

ченіе не помѣшало вкрасться скукѣ, которая съ каждой новой главой все больше и больше овладѣвала мною. Сухой перечень растений и животныхъ, находящихся въ Уссурійскомъ краѣ, тяжелый слогъ съ безпрестаннымъ повтореніемъ слова «дѣйствительно», всякое отсутствіе живости изложенія и яркости красокъ—все это вмѣстѣ взятое напоминало зубреніе гимназиста по сухому, казенному учебнику. «И еще потомъ будутъ говорить, что народъ не любознательнѣ!» думала я въ то время, когда глаза мои смыкало желаніе заснуть. Чтобы развлечь себя чѣмъ-либо, я дѣлилась потихоньку съ сосѣдкой своими впечатлѣніями, и она была вполне солидарна со мною. «Да и какъ же можетъ быть иначе?» думалось мнѣ. Навѣрное, вся коммиссія будетъ вполне солидарна во взглядахъ на эту рукопись!

Наконецъ, чтеніе окончилось. И, вѣроятно, желая изъ учтивости выслушать прежде всего мнѣнія дамъ, предсѣдатель обратился къ М. Н. С., сидѣвшей *vis-à-vis* съ нимъ за столомъ, и просилъ высказать ея взглядъ на только-что прочитанное произведеніе. М. Н. С. аттестовала его съ самой лучшей стороны. Я съ удивленіемъ взглянула на нее и подумала: «что это такое—духъ противорѣчія, что-ли?» Я увѣрена была, что она останется при отдѣльномъ мнѣніи, и мнѣ было досадно на нее. Въ эту минуту предсѣдатель обратился ко мнѣ и потребовалъ моего мнѣнія. Совершенно позабывши о своей некомпетентности, я съ самой крайней горячностью и задоромъ изложила все то, о чемъ сообщала я своей сосѣдкѣ во время чтенія.

Послѣ меня держалъ рѣчь молодой профессоръ. Въ голосѣ его слышалось положительное раздраженіе противъ меня. Онъ горячился, размахивалъ руками и говорилъ быстро и порывисто: «Несмотря на всю вашу компетентность (при этихъ словахъ я съ удвоенною силою почувствовала все свое ничтожество), я долженъ сказать вамъ, что и среди народа, какъ и среди интеллигенціи, есть люди серьезные, интересующіеся не какими-либо побасенками; для нихъ не для чего сочинять особо занимательныхъ книгъ,—они прочтутъ каждое научное сочиненіе съ интересомъ и пользою».

На смѣну ему выступилъ предсѣдатель собранія. Рѣчь его была спокойна и полна достоинства; она вполне гармонировала съ тѣмъ, что было высказано М. Н. С.; но только вмѣсто удивленія, которое ощущала я тогда, я почувствовала, что лечу куда-то въ пропасть, и думала мучительно: «какъ смѣла я запутаться въ этотъ ученый трактатъ?!»

Послѣ предсѣдателя говорилъ одинъ изъ членовъ коммиссіи народныхъ чтеній, затѣмъ еще и еще кто-то, и всѣ они были солидарны. Я оглянулась безнадежно на свою единомышленницу и даже дернула ее за рукавъ, но, очевидно, компетентныя мнѣнія компетент-

ныхъ людей лишили ее смѣлости высказаться такъ прямо, какъ высказалась я. Сознавши свое фiasco, я начала извиняться за вмѣшательство въ область, недоступную мнѣ. Вѣроятно, почувствовавши всю искренность этихъ извиненій, председатель сказалъ мнѣ ласково: «Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, успокойтесь, Христина Даниловна! Вы положительно внесли жизнь въ наше собраніе. Совсѣмъ нежелательно, чтобы въ подобныхъ засѣданіяхъ всѣ пѣли въ унисонъ».

Но эти ласковыя слова мало утѣшили меня, и я уходила изъ коммисіи сконфуженная и недовольная собой, давая себѣ слово никогда не мѣшаться болѣе въ пренія по научнымъ предметамъ.

Когда я возвратилась домой, часы показывали 12. Посреди комнаты стоялъ раскрытый сундукъ, въ который не было положено еще ни одной вещи; онъ точно будто говорилъ мнѣ: «а вѣдь надо укладываться!» И я дѣйствительно укладывалась до 3-хъ часовъ утра, съ тѣмъ, чтобы проснуться въ шесть. Но сонъ мой былъ очень тревоженъ. Приступъ головной боли возвратился съ новой силой. Мнѣ грезилась то «Прекрасная Нивернеза» со всѣми ея дѣйствующими лицами; то Ольга Т., которую мнѣ удалось-таки привлечь въ школу послѣ двухъ мѣсяцевъ отсутствія, то дворничиха, которая, услышавши извиненія въ моей новой поѣздкѣ въ Петербургъ, говорила мнѣ снисходительно и любовно: «ну, что-жъ, проѣздитесь, отдохните! насъ поучить А. Д.»; то крошечная маленькая дѣвочка, которую я тихо ублаживала, держа на рукахъ; то молодой профессоръ, говорившій мнѣ что-то, что, казалось мнѣ, я давно знала безъ него...

«Нѣтъ, такъ работать невозможно!» думала я, проснувшись въ шесть часовъ утра, «да еще въ день, когда даже птица гнѣзда не вьетъ и всѣ люди отдыхаютъ».

На вокзалѣ мнѣ было невыносимо грустно. Городъ еще спалъ; на платформѣ ходили 2—3 унылыя незнакомыя фигуры. Я вырвала изъ записной книжки листикъ, достала изъ сумочки карандашъ и написала нѣсколько горькихъ и желчныхъ словъ самому дорогому для меня человѣку, которыя должны были незаслуженно и глубоко уязвить его. Такова логика человѣческаго сердца. Но въ ту минуту, какъ я дописывала послѣднія жестокия слова, я увидѣла неожиданно издали знакомый образъ, знакомый взглядъ,—и это проявленіе вниманія, и этотъ взглядъ согрѣли мою душу надолго, надолго. Стоило мнѣ только закрыть глаза, чтобы этотъ любимый образъ стоялъ передо мною, какъ живой и освѣщалъ мнѣ дальнѣйшій путь...

31-го марта 1892 г.

Вопросъ о нравственномъ вліяніи и воздѣйствіи на молодежь я считаю чрезвычайно важнымъ; но въ то-же время мнѣ кажется, что лично я неспособна на такого рода вліяніе. Мнѣ кажется, что для

этого требуются рѣчи, воззванія, авторитетный тонъ, а ничего этого у меня нѣтъ. Правда, я искренно люблю эту милую окружающую меня женскую молодежь, искренно уважаю ее за ея честныя стремленія къ общественной работѣ. Но и только. Тѣмъ не менѣе, въ жизни моей нерѣдко проявляются факты, говорящіе объ этомъ нравственномъ воздѣйствіи, котораго я не признаю въ себѣ.

На-дняхъ я получила письмо отъ брата А. Д. Г., народнаго учителя, который пишетъ мнѣ слѣдующее:

«Вчера получилъ письмо отъ сестры, гдѣ она въ чаду упоенія рассказываетъ о томъ, какъ ей счастливо удалось заниматься самой, когда вы ѣздили въ Петербургъ. Вы ее совсѣмъ тамъ наэлектризовали. Это хорошо, что она узнаетъ значеніе народнаго просвѣщенія и за это вамъ благодарность».

Я состою съ Б. Д. Г. въ самой дѣятельной перепискѣ. Письмо его и на этотъ разъ полно интересныхъ вопросовъ, но все-таки для меня дороже всего эти нѣсколько строкъ.

По возвращеніи изъ Петербурга, я нашла въ школьной тетрадкѣ А. Д. Г. слѣдующую записку, обращенную ко мнѣ:

«Въ послѣднее воскресенье, вѣроятно, въ виду приближающихся праздниковъ и усиленной работы, ученицъ было такъ мало, что я не рѣшилась показать имъ два новыхъ звука, какъ это дѣлаете обыкновенно вы, а показала всего одинъ *ф*. Поступила я такъ въ виду того еще, что въ этотъ разъ собрались сильнѣйшія изъ ученицъ, а слабѣйшія, которымъ затруднительно было-бы потомъ догнать классъ, отсутствовали.

Буква *ф*, неожиданно для меня самой, представила трудности для ученицъ: онѣ никакъ не могли выговорить ее правильно и замѣняли звукомъ *х*; такъ, напр., вмѣсто слова «кофта», читали «кохта»; въ другихъ-же случаяхъ никакъ не могли отдѣлить звука *ф* отъ *х* и произносили «штохфъ» вмѣсто «штофъ».

Пробившись надъ этимъ обстоятельствомъ довольно продолжительное время, я пожалѣла, что показала имъ безъ васъ эту трудную для нихъ букву: вы навѣрное стѣмѣли-бы лучше объяснить имъ различіе».

Записку эту я нашла въ послѣдующее воскресенье послѣ перваго часа занятій и до нея еще, начавши урокъ, по обыкновенію, съ повторенія пройденнаго, замѣтила то, о чемъ писала мнѣ А. Д. Въ виду этого я дала ученицамъ множество примѣровъ словъ, въ которыхъ входили оба эти звука въ началѣ, срединѣ, концѣ и заставила подыскивать подобныя-же слова самостоятельно, требуя опредѣлять, слышится-ли въ данномъ случаѣ *ф* или *х*. Но, упражняясь въ этомъ,

я все-таки чувствовала, что кто-то раньше меня усердно поработалъ въ томъ-же направленіи. Такъ, напр., дворничиха въ самомъ началѣ чтенія безпрестанно поправляла самоё себя. «*Кохта...*» читала она протяжно и тотчасъ говорила торопливо: «то бишь *кофта*; *штохфъ...* то бишь *штофъ*», произнося особенно выразительно неудавшійся ей сперва-на-перво звукъ.

Среда, 8 апрѣля 1892 г.

У насъ бываетъ, обыкновенно, два школьныхъ праздника въ годъ: одинъ, о которомъ я говорила въ своемъ декабрьскомъ дневникѣ, — ёлка, другой — чествованіе годовщины школы. Здѣсь нѣтъ ни народныхъ пѣсенъ, оживляющихъ праздникъ, ни затѣйливой декораціи, ни раздачи вкусныхъ гостинцевъ. День этотъ, по замыслу своему, выглядитъ какъ-то серьезнѣе и строже: послѣ молебна, исполняемаго школьнымъ хоромъ, происходитъ раздача книгъ, и этимъ собственно все дѣло кончается. Но вмѣстѣ съ тѣмъ праздникъ этотъ имѣетъ свои преимущества, свой притокъ жизни, вносящей веселье и радость. Во-первыхъ, онъ происходитъ весной, когда яркое солнце врывается во всѣ окна, изъ растворенной двери пахнетъ тепломъ, въ школьномъ саду щебечетъ какая-то ранняя птичка, и все вокругъ дышитъ весною и жизнью. Школьный хоръ поетъ священные пѣсни; но эти звучные, сильные, свѣжіе голоса производятъ впечатлѣніе не покаянія и смерти, а чего-то живого, бодрого, жизнерадостнаго. «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ», поетъ довольно монотонно *trio*, состоящее изъ священника, діакона и причетника. «И сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ», подхватываютъ разомъ 80 молодыхъ голосовъ и отзываются радостью въ вашемъ собственномъ сердцѣ. Всѣ веселы, оживленны, счастливы. Добрыя отношенія учительницъ и ученицъ становятся еще какъ-будто добрѣе и трогательнѣе. Вы видите маленькую дѣвочку съ сіяющимъ личикомъ и апельсиномъ въ рукахъ. Ей и самой въ рѣдкость этотъ апельсинъ, стоящій пятачекъ, а пожалуй и гривенникъ, но она принесла его *своей* барышни въ мѣсто пасхальнаго яичка и выжидаетъ только, когда выйдетъ та въ залъ. Рядомъ съ нею взрослая дѣвушка; она не держитъ своего апельсина на показъ, какъ это дѣлаетъ ея маленькая сосѣдка, — онъ завернутъ у нея тщательно въ чистенькій бѣлый платочекъ, и она, конфузясь и краснѣя, протягиваетъ вамъ его, какъ-бы крадучись и робко говорить: «Христосъ воскресъ!»

Вчера на праздникъ у насъ присутствовала молоденькая дѣвушка-барышня, переступившая впервые порогъ школы. Ей все здѣсь было ново, и вотъ, обращаясь къ своему жениху, она спросила его наивно: «что это значитъ, что однѣ изъ ученицъ христосуются съ однѣми

изъ учительницъ, а другія съ другими?» Я какъ разъ подоспѣла на этотъ вопросъ и объяснила, что значить *моя барышня*.

Пятница, 10 апрѣля 1892 г.

Въ послѣднее время жизнь моя была отравлена письмами ко мнѣ интеллигентныхъ людей со всѣхъ концовъ Россіи по поводу статьи моей о Лермонтовѣ, помѣщенной въ «Русской Мысли». Въ письмахъ этихъ, если хотите, говорилось много лестнаго и относительно живости изложенія, и относительно красоты слога, но, въ концѣ концовъ, чувствовалось, что это есть не болѣе, какъ литературный пріемъ интеллигентнаго человѣка передъ тѣмъ, какъ онъ желаетъ укусить тебя въ самое больное мѣсто. Въ данномъ случаѣ этимъ больнымъ мѣстомъ являлись сомнѣнія въ томъ, дѣйствительно-ли крестьяне поняли поэзію Лермонтова такъ, какъ описываю я, и дѣйствительно-ли они говорили то, что говорили. Всѣ эти сомнѣнія и воздыханія настолько бѣсили меня, настолько противенъ казался мнѣ интеллигентный человѣкъ, воображающій, что только одного его природа одарила свѣтлымъ умомъ, душевной чуткостью ко всему прекрасному и яснымъ пониманіемъ жизненныхъ явленій, что я давала себѣ слово никогда больше не дѣлиться съ ними своими впечатлѣніями на этотъ счетъ. И вдругъ сегодня произошло вѣчто, что пролило на мою душу какой-то цѣлебный и умиротворяющій бальзамъ.

Я совершала, по обыкновенію, свою утреннюю прогулку. Погода была сѣренькая, непріятная, съ несвоевременной пылью, не гармонирующей съ неожиданно наступившимъ холодомъ. Въ переулкѣ, по которому шла я, не было видно ни души, и одинъ только пожилой человѣкъ въ неуклюже-сшитомъ пальто и въ купеческомъ картузѣ, надвинутомъ на брови, шелъ по противоположному тротуару. Завидѣвши меня, онъ рѣзко перешелъ улицу и направился прямо ко мнѣ, улыбаясь своимъ беззубымъ ртомъ и глядя на меня съ необычайнымъ привѣтомъ и лаской.

«Не узнаете меня, Христина Даниловна?» началъ онъ, «да и не мудрено: рѣдко встрѣчался, да и то такъ гдѣ-нибудь на улицѣ, въ переулкѣ. Я, признаться сказать, давно уже бросилъ кланяться вамъ—къ чему, какое между нами знакомство? Знали мы васъ когда-то на дачѣ съ женою и то такъ, можно сказать, мимолетно, потому что мы люди простые, а вы совсѣмъ въ другомъ обществѣ находитесь. И не возобновилъ-бы я вамъ своихъ поклоновъ, если-бы не случилось одно маленькое обстоятельство... Читать я, признаться, читаю мало, да и куда намъ читать! вѣдь, мы на мѣдные гроши учены; но все-таки, напр., и среди купечества, и среди нашего брата-приказчика, если знакомая фамилія попадетсѣ, — интересно. Вотъ и говорятъ мнѣ: «прочти—Алчевская сочинила!» И взялъ я журналъ

по названью «Мысль Русская» и началъ читать. Сначала читаю и думаю: «хорошо сочинено, ловко!» а дальше совѣмъ даже и объ этомъ позабылъ, точно будто меня въ эту самую хату ввели и при всемъ этомъ вашемъ разговорѣ я присутствую. Думаю себѣ: «нѣтъ, это все не сочинено, не можетъ быть, это все такъ въ дѣйствительности было». И припомнилась мнѣ ночь одна: ѣду въ степи, свѣту Божьяго не видно—такая метель, вотъ-вотъ заблудимся, надо непременно куда-нибудь прибаваться. Видимъ—огонекъ издали, подѣхали — шинокъ; дѣлать нечего, вхожу туда, хоть и не люблю по шинкамъ быть. Народу тьма-тьмушая, весело такъ сидятъ, разговариваютъ, спорятъ о чемъ-то, на меня ровно никакого вниманія не обращаютъ. Но я все-таки почувствовалъ, что не моя это компанія и что я могу только стѣснить ихъ; уѣлся себѣ поодаль—благо пустая скамеечка нашлась, положилъ свой узелокъ, подушку и прилегъ. Ни пить, ни ѣсть мнѣ ничего не хотѣлось: уморился крѣпко съ дороги; но заснуть тоже не могу, то закрою, то открою глаза—не спится. И сталъ я вслушиваться въ ихніе разговоры мужицкіе, и хоть самъ я не Богъ знаетъ какого рода, мѣщанскаго, даже по фамиліи можно судить, но, живя въ городѣ и не видя мужика, думалъ: «дураки они всѣ, невѣжды и далеко имъ до насъ, до горожанъ!» А тутъ, какъ послушалъ, просто диву дался. И откуда у нихъ эти умныя рѣчи берутся, эти слова, разсужденія?! И объ чемъ только тутъ ни говорили! Предполагая, что я сплю, начали о городѣ говорить и о горожаняхъ, о господахъ, купцахъ, мѣщанахъ, о прислугѣ городской; стали издѣваться надъ барскимъ чванствомъ, надъ купеческой сытостью, надъ мѣщанскимъ невѣжествомъ, надъ обезьянствомъ прислуги и такъ, можно сказать, остро, что хоть и самого меня это нѣсколько касается, а никакъ не могу воздержаться отъ смѣха. До самого утра ихъ слушалъ съ такимъ интересомъ, что, кажется, если-бы и былъ сонъ, такъ навѣрное прошель-бы. На разсвѣтѣ, какъ только развиднѣлось, мы поѣхали дальше и совѣмъ-было я и позабылъ объ этомъ событіи за давностью лѣтъ, но какъ сталъ читать ваше сочиненіе, такъ у меня передъ глазами этотъ шинокъ и возникъ; тѣ-же самые мужики да и только, точно, будто вы съ нихъ фотографію снимали».

Я возвратилась съ моей утренней прогулки совѣмъ довольною и счастливою, готовою простить всѣхъ и все, даже ту интеллигентную барыню, которая писала мнѣ, что, по ея мнѣнію, и мужики, и хата, и ихъ разговоры—все это не болѣе, какъ фикція, ловко построенная мною.

Воскресенье, 12-го апрѣля 1892 г.

Сегодня, по случаю, вѣроятно, послѣдняго дня праздниковъ, ученицъ было такъ-же мало, какъ и въ прошлый разъ, и не только въ

моей группѣ, но и въ другихъ. Прошелъ слухъ, будто въ этотъ день совсѣмъ не будетъ занятій; инныя повѣрили ему и не пришли въ школу. Слухъ этотъ возникъ, вѣроятно, потому, что были годы, когда мы, дѣйствительно, не занимались въ это святочное воскресенье.

Въ группу нашу явились опять сильнѣйшія изъ ученицъ, и я, какъ и А. Д., сочла возможнымъ показать имъ только одинъ новый звукъ з, имѣя въ виду слабѣйшихъ. Но что за наслажденіе заниматься съ этими сильнѣйшими! Всѣ онѣ точно подобраны одна къ другой: та-же степень вниманія, то-же рвеніе къ занятіямъ, та-же быстрота усвоенія новаго матеріала. Не будь этихъ слабѣйшихъ, имъ можно было-бы показать сразу 3—4 звука. И въ самомъ дѣлѣ, я чувствую, что ихъ невозможно больше задерживать, несмотря на все мое желаніе не разстраивать класснаго обученія, и въ слѣдующій разъ непременно раздѣлю группу на двое. Подраздѣленіе это имѣетъ еще и то основаніе, что первая группа образуется изъ ученицъ по преимуществу старѣйшихъ по годамъ, а вторая—изъ болѣе молодыхъ.

Въ это послѣднее воскресенье при занятіяхъ моихъ присутствовалъ инспекторъ народныхъ училищъ, И. Я. Л. Это не только инспекторъ, но и общественный дѣятель, учредитель многихъ библіотекъ по селамъ. Онъ большой знатокъ школьнаго дѣла, и я чрезвычайно интересовалась его мнѣніемъ. Занятія у меня шли какъ нельзя лучше, и я чувствовала, что его одобрителный отзывъ вполне заслуженъ мною; но мнѣ все-таки не хотѣлось признаться ему, что классъ состоитъ въ этотъ разъ изъ сильнѣйшихъ ученицъ. Послушалъ-бы онъ, напримѣръ, мою Лукерью В. или Анюту К. въ то время, какъ на нихъ находить затменіе, и результаты получились-бы совсѣмъ инныя. Но моя-ли это собственно вина, какъ учительницы, я не могу отвѣтить по совѣсти.

Бываютъ посѣтители, стѣсняющіе меня нѣсколько, — это именно тѣ, которые обращаютъ вниманіе на мелочи и производятъ впечатлѣніе людей, подстерегающихъ каждый малѣйшій промахъ; но И. Я. Л. нисколько не стѣснялъ меня: я была твердо увѣрена, что онъ все пойметъ, разсудитъ, опредѣлитъ, оцѣнитъ по достоинству.

Бѣдная Лукерья В.! она не была ни на праздникѣ, ни въ школѣ: собаки изранили ея маленькую сестричку двухъ лѣтъ, и она ежедневно носить ее въ лечебницу. Столько трагизма и въ самомъ этомъ происшествіи, и въ неудачѣ бѣдной дѣвушки овладѣть искусствомъ грамоты! Въ эту минуту я еще больше люблю ее и она вызываетъ во мнѣ еще больше жалости и симпатіи.

Вторникъ, 14-го апрѣля 1892 г.

Въ моей маленькой семейной школѣ на 4-мъ часѣ былъ пропущенъ урокъ нѣмецкаго чтенія. Я хотѣла-было замѣнить его рус-

скимъ, но солнце такъ заманчиво глядѣло въ окна, небо было такъ ясно и безоблачно, изъ открытой двери на балконъ такъ обаятельно пахло весной, что я отстранила свой первый планъ и повела дѣтей въ университетскій садъ. Очутившись на вольномъ воздухѣ и почувявъ свободу, они, точно птицы, вырвавшіеся изъ клѣтки, помчались по главной аллеѣ, не испросивъ даже на то у меня разрѣшенія. Они бѣжали быстро, не оглядываясь, и, когда достигли конца аллеи, еле переводили дыханіе и даже самыя блѣдныя изъ нихъ зарумянились румянцемъ. Обратно на гору они не въ силахъ были уже бѣжать, и мы шли всѣ вмѣстѣ тихо—кто вразбродъ, кто парами, весело смѣясь и разговаривая.

Мы шли по главной аллеѣ въ то время, какъ я замѣтила на боковой дорожкѣ, на скамеечкѣ, молодую дѣвушку-блондинку и мальчика брюнета, лѣтъ 6—7. Дѣвушка держала книгу въ рукахъ и, наклонившись къ ребенку, читала ему что-то вполголоса. Выраженіе лица мальчика было чрезвычайно напряженно; выразительные глаза свѣтились точно два уголька, щечки зардѣлись румянцемъ, и весь онъ былъ сосредоточенъ и взволнованъ. Въ первую минуту я не узнала—было лица дѣвушки, такъ какъ простенькая черная шляпа съ большими полями почти закрывала его, но, подойдя ближе, увидѣла нашу бывшую ученицу, Варю С. До меня доходили слухи, что изъ нея вышла прекрасная бонна и что жалованье ея возрасло до 18 руб., что у насъ платятъ только иностранкамъ-нѣмкамъ. Но я давно не видѣла ея лично и, обрадовавшись этой встрѣчѣ, подошла къ ней. Кромѣ того, меня привлекало незнакомое мнѣ личико мальчика, который до такой степени заслушался чтенія, что, когда мы подошли къ нимъ всей веселой компаніей, онъ какъ-то изподлобья, недружелюбно взглянулъ на насъ и снова углубился въ разсмотрѣніе картинки раскрытой передъ нами книги. Глядя на лицо ребенка, я была почти увѣрена, что онъ слушалъ сказку, и, чтобы окончательно удостовѣриться въ этомъ, спросила дѣвушку, которая также обрадовалась мнѣ: «что именно читаете вы съ нимъ, Варя?» Она подала мнѣ книгу съ яркой обложкой, на которой было напечатано красными буквами: «Нянины сказки».

— Сколько ему лѣтъ?

— Шесть.

— Чей это ребенокъ?

— Доктора К.

— А вы постоянно читаете ему сказки или-же и что-нибудь другое?

— Онъ очень любитъ сказки.

При этомъ отвѣтъ я сочла своимъ нравственнымъ долгомъ про-

честь Варѣ С. коротенькую лекцію о томъ, что исключительное чтеніе сказокъ слишкомъ развиваетъ воображеніе ребенка и что читать ихъ слѣдуетъ въ перемежку съ рассказами изъ дѣйствительной жизни. Я рекомендовала ей при этомъ изданія Фребелевскаго Общества, за что она поблагодарила меня, и мы пошли.

— Что это за мальчикъ?—спросилъ меня кто-то изъ дѣтей.

— Мальчика я не знаю,—отвѣчала я,—а о дѣвушкѣ могу рассказать вамъ коротенькую біографію. Варя С. была маленькая, худенькая, блѣдненькая, плохо одѣтая дѣвочка, когда поступила къ намъ въ воскресную школу, гдѣ учатся даромъ. По буднямъ она помогала своей бѣдной матери въ работѣ, а по воскресеньямъ та посылала ее учиться. Отца у Вари не было, а былъ отчимъ—наборщикъ и пьяница. Онъ обижалъ и жену, и дочь, но Варя никогда не жаловалась намъ на него. Мы слышали объ этомъ только стороной и вѣрили этому, глядя на грустное личико дѣвочки, на ея нервныя подергиванья и слезы, которыя вызывала въ ней каждая грустная книжка. Училась у насъ Варя очень хорошо, пожалуй, лучше всѣхъ; пересказывала прочитанное такъ, что просто заслушаться. Годы шли; она выросла въ высокую 16-ти-лѣтнюю дѣвушку, научилась порядочно шить; но ее больше тянуло къ книгамъ, къ ученью, къ дѣтямъ, и она сдѣлалась бонной, получаетъ порядочное вознагражденіе, помогаетъ немножко своей больной матери и младшей сестрѣ и пользуется уваженіемъ и симпатіей тѣхъ семей, въ которыхъ живетъ она. Всѣмъ своимъ скромнымъ благосостояніемъ Варя обязана самой себѣ, она не училась нигдѣ, кромѣ воскресной школы, а мы, съ другой стороны, очень счастливы, что наша школа могла научить ее тому, чему научила.

Дѣти слушали внимательно мой рассказъ. Даже дѣвочка съ птичьимъ выраженіемъ глазъ, говорящая лучше по французски, чѣмъ по русски, задумалась и, глядя на меня своимъ милымъ, наивнымъ взглядомъ, сказала: «значить, воскресная школа—это хорошо!»

— Еще-бъ не хорошо!—возразилъ ей авторитетнымъ тономъ мальчикъ, сестра котораго находится въ составѣ нашихъ учительницъ.

Я возвратилась домой довольная и прогулкой, и встрѣчей съ Варей С., и своимъ рассказомъ о ней. «Да это полезнѣе, пожалуй, нѣмецкаго и русскаго чтенія», думала я, если даже въ рассказѣ, который читала-бы я дѣтямъ, фигурировала-бы для ихъ назиданія такая-же добродѣтельная дѣвушка, пробившая себѣ дорогу такимъ-же честнымъ трудомъ. Тамъ они видѣли-бы болѣе или менѣе удачную фотографію, а здѣсь передъ ними предсталъ живой, реальный образъ, который навѣрное ярче запечатлится въ ихъ дѣтскомъ воображеніи.

Понедѣльникъ, 4-го мая 1892 г.

Опять мнѣ пришлось покинуть свою группу на цѣлыхъ два воскресенья по случаю поѣздки въ Петербургъ. Но оказалось, что ученицы мои попали въ хорошія руки, и, говоря по совѣсти, я не могу рѣшиться, когда сдѣлали-бы онѣ больше успѣха — при мнѣ, или при неопытной въ началѣ года А. Д. Г. Когда я стала, такъ сказать, экзаменовывать ихъ, то пройденные звуки оказались вполне усвоенными, и для окончанія алфавита пришлось показать только *ж*, *й* и *ъ*.

Когда я шла въ школу, я твердо рѣшила, что на этотъ разъ слабѣйшія всенепремѣнно должны быть отдѣлены отъ сильнѣйшихъ; но экзаменъ показалъ вполне ясно, что даже Прасковья К. и Анюта К. не отстаютъ отъ другихъ и очень бойко и красиво выводятъ продиктованныя слова.

Не могу выразить, съ какимъ чувствомъ радости и гордости взглянула я послѣ экзамена на мою юную сотрудницу. И говоря ей слова привѣта, думала про себя: «Она положительно достигла большихъ успѣховъ, чѣмъ я. Почему это такъ? Вѣроятно, потому, что она была терпѣливѣе и усидчивѣе въ своихъ занятіяхъ. Я больше всего дорожу жизнью въ классѣ, больше всего гонюсь за оживленными лицами и общимъ бодрымъ настроеніемъ, быть можетъ, слишкомъ преувеличенно опасаясь апатіи и скуки. Вотъ почему при малѣйшемъ зѣвкѣ я готова бросить подчасъ на произволъ судьбы слабѣйшихъ изъ ученицъ и ободрить сильнѣйшихъ новымъ шагомъ впередъ».

Я всегда люблю школу; но, войдя въ нее черезъ двѣ недѣли разлуки, чувствую какую-то особенную теплоту и радость. Мнѣ кажется, что все кругомъ улыбается мнѣ самымъ искреннимъ привѣтомъ. Такъ было и вчера. Группа моя была почти вся на лицѣ. Когда мы дошли до буквы *х*, я, для разнообразія, сказала имъ: «теперь я не буду диктовать вамъ, а пусть напишетъ каждая на эту букву, кто что хочетъ». Приѣмъ этотъ вызвалъ особенное оживленіе и усердіе. Всѣ какъ-то засуетились и оживились: кое-кто совѣтовался другъ съ другомъ, какой-то шепотъ передавался отъ одной къ другой. Я дала полную волю ихъ самостоятельности и отошла даже немного въ сторону. Когда я подошла къ столу, всѣ лица какъ-то особенно сіяли, а на доскахъ у всѣхъ было написано: «Христина Даниловна». Правда, кой у кого было пропущено по одному звуку, на одной изъ досокъ стоялъ *ъ* на концѣ, а на одной—*и* вмѣсто *и*, но все-таки сюрпризъ этотъ былъ для меня чрезвычайно пріятенъ и дорогъ. Въ то время, какъ я радостно разсматривала доски, одна изъ взрослыхъ ученицъ какъ-то быстро и порывисто сѣла на свое мѣсто и нацарапала грифелемъ еще что-то, это «что-то» было: «Аполлинарія Дмитріевна».

Очевидно, ей пришла въ голову деликатная мысль, какъ-бы не обидѣть этимъ преимуществомъ молодую добрую учительницу, и она поспѣшила восполнить этотъ пробѣлъ.

Просматривая записную тетрадь, я замѣтила, что дворничиха не была въ школѣ прошлый разъ, и спросила ее о причинѣ.

— Родственники понаѣхали съ деревни къ Егорю, чтобъ ихъ совѣсть!—отвѣчала она, какъ-то презрительно махнувъ рукой.—Да еще и смѣются: что ты бѣлены обѣлась, что-ли, что вздумала учиться на старости лѣтъ? А я имъ говорю: во-первыхъ, я не старая (и она какъ-то молодцовато тряхнула своими сильными плечами), а во-вторыхъ, въ этомъ ровно ничего нѣту постыднаго.

Я поспѣшила развить въ довольно пространныхъ словахъ высказанную ею мысль, но чувствовала, что то, что высказала она, было сказано проще, но сильнѣй, и производило большее впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, на меня.

Я освѣдомилась, между прочимъ, о Лукерѣ В. Увы! она не появлялась больше въ школѣ, но, говорятъ, будто Марѳа Т. продолжаетъ учить ее. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ!

Вторникъ, 12-го мая 1892 г.

Въ воскресенье, 10-го мая, я пришла въ школу очень, очень рано, раньше всѣхъ; даже завѣдующей распредѣленіемъ группъ не было еще. Увидѣвши Марію Т. съ книжечкой въ рукахъ, которую я дала ей для прочтенія на домъ, я пригласила ее въ музей, усадила рядомъ съ собою и начала разспрашивать о прочитанномъ. Въ это время нѣсколько маленькихъ ученицъ съ шумомъ ворвались въ комнату и, перебивая другъ друга, заявили мнѣ, что меня спрашиваетъ какая-то барышня-учительница, которая желаетъ поступить въ школу съ осени. Я быстро пошла на встрѣчу. Передо мною стояла дѣвушка необычайно изящной наружности и съ впечаткомъ той-же изящности на каждой складкѣ платья. Легкій румянецъ чуть-чуть покрывалъ ея нѣжное лицо, какъ-бы гармонируя съ блѣдно-розовымъ крепомъ, выглядывавшимъ изъ-подъ ея темнаго платья. Большіе, темные грустные глаза глядѣли на меня прямо въ упоръ, какъ-бы спрашивая, я-ли это?

Э. О. К. желала устроить мистификацію, но ей этого не удалось, и черезъ секунду я знала уже, что передо мною стоитъ давно жданный и желанный мною человѣкъ, знакомый мнѣ и даже родной по перепискѣ.

— Ахъ, какъ это удачно, что мы можемъ встрѣтиться, какъ мечтали, на необитаемомъ островѣ, безъ постороннихъ наблюдателей! сказала я, вводя ее въ музей.

Марія Т., съ прирожденной ей деликатностью, тотчасъ почув-

ествовала себя лишней и ушла. Мы остались вдвоемъ. Въ эту минуту неожиданной встрѣчи, подъ обаяніемъ впечатлѣній отъ поэтического образа, музей нашъ, въ самомъ дѣлѣ, показался мнѣ на секунду необитаемымъ островомъ, и всѣ эти рыбы, птицы, животныя, окружавшія насъ тутъ,—какой-то сказочной обстановкой, о которой мечтали мы въ письмахъ. Меня смущала, однако, нѣсколько эта слишкомъ уже изящная внѣшность дѣвушки, эта слишкомъ изысканная нѣжность въ чертахъ и безстрастіе, разлитое по этому блѣдно-розовому лицу. Гдѣ-же таится эта рѣзкость, этотъ скептицизмъ, раздраженіе, иронія, которыми полны были ея письма? Все такъ спокойно въ ней, прилично, уравниовѣшено каждое движеніе, каждый поворотъ головы. И только большой, точно изваянный лобъ съ густою прядью темныхъ волосъ, небрежно брошенныхъ на него, какъ-будто таитъ въ себѣ какія-то тайны.

Мало-по-малу школа начала наполняться. Звонокъ, молитва, первый урокъ. Я приглашаю Э. О. послушать прежде всего мои занятія. Я думаю самонадѣянно, что первыя впечатлѣнія необходимо сдѣлать пріятными. Я вся проникнута мыслью дать блистательное «представленіе»; но—о ужасъ!—мнѣ припоминается съ удивительной ясностью скептической складъ ума экзаменующаго меня въ данный моментъ человѣка, и я чувствую, какъ силы и увѣренность измѣняются мнѣ. Меня пугаетъ сомнѣніе, разъясню-ли я съ достаточной ясностью, и особенно такимъ ученицамъ, какъ Аня К., какое именно значеніе играютъ въ срединѣ слова *э* и *ъ*. Я позабыла даже всѣ слова, которыя заготовила на это правило, и рѣшительно не помню, куда положила я листикъ, на которомъ были написаны эти слова. Былъ у меня и еще одинъ планъ на сегодняшний день—это заняться повтореніемъ всѣхъ пройденныхъ звуковъ съ самаго начала и до конца азбуки, быстро и оживленно диктуя ученицамъ по одному слову на каждый звукъ и удостовѣряясь такимъ образомъ въ томъ, насколько прочно онѣ усвоили пройденное. Планъ этотъ я помнила хорошо, и потому приступила къ нему, но—увы!—диктовка словъ шла крайне вяло. Мнѣ было какъ-будто досадно даже, что ученицы такъ добросовѣстно усвоили все пройденное и пишутъ, точно машины, слово-за-слово, не обращая ко мнѣ ни съ какими недоразумѣніями и лишая меня случая отличиться. Часть этотъ показался мнѣ томительно длиннымъ. Я подозрѣвала, что учительница позабыла позвонить во-время, и когда прозвонилъ звонокъ, я чувствовала большее утомленіе, чѣмъ послѣ 4-хъ часовъ занятій.

На второй часъ смущающій меня человѣкъ ушелъ анализировать другіе классы, а на смѣну ему вошли двѣ молодыя дѣвушки, учительницы мужской воскресной школы, мало знакомая мнѣ дѣвица,

работающая въ общественной бібліотекѣ, наша бывшая учительница, прїѣхавшая изъ Смоленска къ моему юбилею, и одна изъ нашихъ учительницъ-бібліотекарей. Я бойко и весело взглянула на нихъ, мнѣ казалось, что какая-то тяжесть разомъ свалилась съ моихъ плечъ, и я съ необычайнымъ одушевленіемъ и увѣренностью принялась за урокъ. Листикъ съ примѣрами оказался у меня подъ рукой, на немъ ясно и отчетливо было написано: «сѣмя, семья, семь, сѣмъ, сѣлъ, сѣлъ». Объясненіе мое было такъ толково и удачно, что ученицы съ удивительной быстротой усвоили себѣ это новое понятіе. Но мнѣ все-таки было досадно на себя. Пусть-бы лучше я опозорилась передъ всѣми этими незнакомыми мнѣ барышнями, чѣмъ уронила себя, какъ учительницу, въ глазахъ человѣка, мнѣніемъ котораго такъ дорожу я. Я хотѣла-было пригласить Э. О. на свой третій урокъ, чтобы поправить бѣду, но при одной мысли объ этомъ чувствовала, что со мною опять произойдетъ та-же самая исторія, и была права.

На 4-й часть Э. О. безъ всякой просьбы съ моей стороны пришла послушать, какъ веду я чтеніе разсказа съ ученицами. Я читаю обыкновенно плавно, ровно, увѣренная въ доброкачественности своего чтенія; но тутъ я нѣсколько разъ сбивалась на самыхъ обыкновенныхъ словахъ и чувствовала себя погибающей, какъ и на первомъ урокѣ.

Но, оставляя въ сторонѣ вопросъ о моихъ личныхъ ощущеніяхъ, перейду къ разбору трехъ разсказовъ, изданныхъ комиссіей при Харьковскомъ Комитетѣ грамотности и прочитанныхъ мною въ воскресной школѣ.

Издательская комиссія при Харьков. Общ. грам. задумала рядъ дешевыхъ изданій для народа, и первыми изъ нихъ появились: «Среди французовъ» и «Несчастная». «Среди французовъ» является собственно общимъ названіемъ, а книжечка содержитъ въ себѣ два разсказа: первый—«Тайна стараго мельника», второй—«Обезьяна». Читатель изъ народа не понимаетъ, однако, этого общаго заглавія и говоритъ: тутъ три разсказа: одинъ—«Среди французовъ», другой—«Тайна стараго мельника», третій—«Обезьяна» (Попадается также и нѣсколько непонятныхъ словъ). Оба разсказа заимствованы у Доде, но подверглись значительнымъ передѣлкамъ и сокращеніямъ. Вотъ почему, вѣроятно, «Тайна стараго мельника», который никакъ не могъ помириться съ нововведеніемъ паровыхъ мельницъ и, желая показать сосѣдямъ, что онъ вовсе не разорился, возилъ въ мѣшкахъ известку и щебень, не производитъ особеннаго впечатлѣнія, по крайней мѣрѣ, на горожанъ. Образъ стараго мельника довольно блѣденъ, и трагизмъ его положенія какъ-то не трогаетъ душу. Гораздо

большее впечатлѣніе производитъ разсказъ «Обезьяна». Бѣдная женщина, жена пьяницы-мужа, приходитъ въ шинокъ, чтобы тащить его оттуда домой. Когда-то она была молода и красива, но горе и непосильный трудъ сдѣлали ее безобразной и дали ей прозвище «Обезьяна». Бѣдная женщина подвергается въ кабацкѣ всевозможнымъ насмѣшкамъ и издѣвательствамъ, но все-таки тащить съ собою своего забудыгу-мужа. Дорогой онъ близокъ къ тому, чтобы на смерть поколотить ее; но по мѣрѣ того какъ кабакъ исчезаетъ изъ глазъ и они приближаются къ убогому жилищу, гдѣ ждутъ ихъ голодныя дѣти, пьяница-мужъ смягчается и покорно идетъ за женой.—«Эта куда лучше и жалче!» говорятъ ученицы воскресной школы, возвращая книженку.

Бросился мнѣ въ глаза и такой еще случай: мальчикъ интеллигентной семьи прочелъ «Обезьяну»; какъ-то онъ ѣхалъ съ матерью, а на улицѣ у воротъ кривлялась и гримасничала безобразная, уродливая дѣвченка; остальные уличныя дѣти стояли тутъ-же и смѣялись надъ ней. «Боже, что за уродъ!» сказала мать и невольно разсмѣялась, глядя на комическія кривлянья дѣвочки.

— Можетъ, и я смѣялся-бы надъ нею,—замѣтилъ задумчиво мальчикъ,—если-бъ не прочелъ сегодня «Обезьяны» Доде.

Еще большее впечатлѣніе производитъ на взрослыхъ ученицъ разсказъ «Несчастная» (передѣлка съ польскаго). Несчастье Магды также состоитъ въ томъ, что мужъ ея—пьяница. Магда—здоровая, красивая, работающая баба, беззавѣтно любящая своего Андрея—могла-бы жить совершенно счастливо, если-бы не пагубная страсть его къ кабаку. Андрей также горячо любитъ жену, пока онъ трезвъ, а въ пьяномъ видѣ немилосердно бьетъ и истязаетъ ее. Магда покоряется мужу, но всему есть предѣлъ. Андрей задумалъ свести въ шинокъ корову, кормилицу семьи. Магда отстаиваетъ свои права на нее и, въ припадкѣ отчаянія и злобы, схватываетъ часть стараго колеса, наноситъ имъ ударъ мужу—и тотъ падаетъ, истекая кровью...

Это неожиданное, нежеланное преступленіе вызываетъ къ ней общее сочувствіе и состраданіе въ читателѣ изъ народа, и на вопросъ учительницы, какъ вы думаете, обвинять ее или оправдаютъ на судѣ присяжные, ученицы говорятъ задумчиво: «должны оправдать!..» «она даже не думала, не чувствовала и не помнила себя, когда произошло съ ней это несчастіе».

Разсказы «Тайна стараго мельника» и «Обезьяна» могутъ быть даны въ руки и ребенку, и взрослому человѣку; разсказъ-же «Несчастная» пригоденъ исключительно для взрослыхъ, такъ какъ потрясать душу ребенка подобными раздирающими душу сценами совѣмъ не слѣдуетъ.

10-го іюля 1892 г.

Итакъ, я въ Крыму. Въ минуты отдыха передо мною происходятъ воспоминанія послѣднихъ дней въ Харьковѣ. Какъ удивительно бурны и тревожны были эти дни! Когда я начинала свой дневникъ въ декабрѣ, я имѣла цѣлью дать скромный отчетъ о томъ, какъ именно пройдутъ эти полгода въ стѣнахъ школы для учительницы, намѣтившей себѣ задачу—научить грамотѣ неграмотныхъ людей. Дневникъ этотъ предназначался исключительно для кружковыхъ собраний учительницъ по звуковому методу. И вдругъ въ него ворвался, совѣмъ неожиданно и нежданно для меня, самый яркій эпизодъ изъ всей моей жизни—чествованіе моей 30-ти-лѣтней работы въ школѣ. Какъ ни отклоняла я отъ себя этого праздника, какъ ни страшилась излишняго шума и говора, обвиненій въ самолюбіи, честолюбіи и тщеславіи,—мнѣ все-таки не удалось устранить его и я очень хорошо видѣла и замѣчала настроеніе всѣхъ моихъ школьныхъ друзей, которые безпрестанно шептались о чемъ-то, выводили другъ друга въ другую комнату и имѣли какой-то нервно-возбужденный и таинственный видъ. Минутами меня даже сердило это настроеніе. Всѣ мелкія школьныя дѣла какъ-бы отодвинулись на второй планъ изъ-за какихъ-то интимныхъ совѣщаній. И помню, какъ однажды, когда меня попросили не входить въ общую залу, гдѣ я намѣревалась поговорить съ учительницами о предстоящемъ школьномъ собраніи, я сказала съ раздраженіемъ: «изъ-за этого юбилея всѣ школьныя текуція дѣла отодвинуты у насъ куда-то на задній планъ!» Но бывали и другія минуты: я видѣла встревоженные лица; слышала вскользь какіе-то вопросы, вызывавшіе недоумѣніе; чувствовала, что кому-то и въ чемъ-то надо помочь и, съ свойственной мнѣ организаторской страстью, мнѣ невыразимо хотѣлось впутаться въ это дѣло, разсуждать, совѣтовать, хлопотать; но въ то-же время я понимала, что это неприлично съ моей стороны, и всѣми силами сдерживала себя въ границахъ. Бывали и такія минуты, когда мнѣ чрезвычайно правилось это общее нервное настроеніе. Многіе изъ друзей моихъ и сотоварищей по дѣлу какъ-будто переродились: изъ замкнутыхъ, сдержанныхъ, спокойныхъ людей они стали оживленными, энергичными, разговорчивыми. Будничное настроеніе смѣнилось какимъ-то праздничнымъ, жизнерадостнымъ; чувствовался необычайный подъемъ духа, какъ будто кто-то и что-то разбудило въ нихъ дремавшіе дотолѣ инстинкты общественныхъ дѣятелей. Мало-по-малу настроеніе это сообщилося чуть не всему городу. До меня начали доходить слухи о томъ, что въ Обществѣ вспоможенія учительницъ и воспитательницъ готовится адресъ, что въ городскую думу внесенъ этотъ вопросъ председателемъ Общества грамотности,

что даже въ Обществѣ «Краснаго Креста» толкуютъ о немъ, не говоря уже о школахъ и учрежденіяхъ, которыхъ ближе касается наше общее школьное дѣло. Все это, конечно, тревожило и волновало меня, но я силилась сдерживать эти волненія и продолжала работать по прежнему. До 13-го мая оставалось всего 2—3 дня. Тревога моя при мысли объ этомъ днѣ шла crescendo; какъ вдругъ, однажды, утромъ въ рабочіе часы, когда никто обыкновенно не тревожитъ меня, моя рабочая комната наполнилась самыми близкими мнѣ людьми. Взглянувъ на ихъ блѣдныя и встревоженныя лица въ этотъ неурочный часъ, я тотчасъ-же поняла, что надъ головой ихъ стряслась какая-то бѣда и что мысль о сообщеніи мнѣ этой бѣды тяжелымъ камнемъ лежала у нихъ на сердцѣ.

Я принадлежу къ типу тѣхъ людей, которые способны волноваться и мучиться изъ-за пустяковъ, а въ минуты серьезнаго горя—выказывать храбрость и мужество. Вотъ почему, предположивши серьезное горе, я почувствовала въ себѣ силу перенести его, и узнавши, въ чемъ дѣло, не только не разстроилась сама, но старалась даже утѣшить и успокоить тѣхъ, которые усматривали въ этомъ чуть-ли не несчастье. Особеннаго несчастья, впрочемъ, и не было. Оказалось, что разрѣшеніе на юбилей требуется не только отъ мѣстнаго начальства, но и отъ г. министра народнаго просвѣщенія; что подъ словомъ «высшее» начальство можно подразумѣвать и то, и другое; что на меня, какъ на официальную распорядительницу воскресной школы, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на чиновника, и въ виду всего вышесказаннаго, празднество должно быть отложено на осень. Между тѣмъ, не глядя на эти официальные регламентаціи, телеграммы, письма, адреса стекались со всѣхъ концовъ Россіи и, несмотря на своевременное указаніе мѣстожителства людей, руководившихъ этимъ дѣломъ, иные изъ нихъ были направлены-таки на мое имя. Все это несказанно радовало меня и подымало все выше и выше мои нервы, такъ что, проснувшись 13-го мая, я чувствовала себя въ самомъ праздничномъ настроеніи. Тѣмъ не менѣе, сознавая, что праздникъ отложенъ, я принялась за свою будничную работу и радостно раскладывала на столѣ рукописи и книги. Но задуманной работѣ не суждено было, однако, осуществиться въ этотъ день. Напрасно я силюсь припомнить, въ которомъ именно часу началось мое торжество; въ воспоминаніяхъ моихъ рисуется только общая картина этого дорогаго для меня дня: вѣнки, цвѣты, букеты какъ-бы затмѣваютъ самыя лица. Сильнѣе всего я какъ-будто чувствую ароматъ розъ и весны, ворвавшихся въ эту залу и гостиную и наполнившихъ ихъ свѣтомъ и радостью. Но нѣтъ! я помню и лица. Среди чуть не сотенной толпы молодыхъ дѣвушекъ, учительницъ школы, выдѣляются

двѣ, съ огромнымъ лавровымъ вѣнкомъ, въ срединѣ котораго красуются римскія цифры XXX; затѣмъ протянута ко мнѣ съ букетомъ еще чья-то нѣжная рука, и я вижу милое знакомое улыбающееся лицо, свѣжее, какъ сами эти розы; еще одинъ букетъ дрожитъ въ блѣдной рукѣ моего закадычнаго друга и, подавая его мнѣ, она говоритъ взволнованнымъ голосомъ:

«Христина Даниловна! позвольте мнѣ отъ лица всѣхъ вашихъ товарищей, собравшихся здѣсь, принести вамъ наше общее поздравленіе съ тридцатилѣтіемъ вашей дѣятельности. Въ этотъ торжественный для насъ день намъ хотѣлось-бы высказать все то, что мы чувствуемъ по отношенію къ вамъ. Но какъ сдѣлать это? Гдѣ найти слова, которыя могли-бы выразить тѣ чувства, которыя мы испытываемъ въ эту минуту? Христина Даниловна, то, что вы дѣлаете для всѣхъ насъ, для нашего кружка, неизмѣримо велико: вы развиваете въ насъ сознаніе общественнаго долга, вы даете намъ силу и энергію выполнять этотъ долгъ, и за это мы вамъ глубоко благодарны. Но это не все: на почвѣ общественной дѣятельности вы сумѣли создать съ каждой изъ насъ такія теплыя сердечныя отношенія, память о которыхъ мы сохранимъ, какъ святыню, на всю нашу жизнь... Вотъ почему изъ всѣхъ чувствъ, которыя мы питаемъ къ вамъ,—чувствъ глубокаго уваженія, безпредѣльной признательности, восхищенія,—самымъ сильнымъ является все-таки *любовь* наша къ вамъ».

Слова эти, записанныя на бумагѣ, почти не даютъ понятія о томъ, какое впечатлѣніе произвели они, произнесенныя поблѣднѣвшими отъ волненія устами и тѣми задушевными звуками голоса, которые проникаютъ въ человѣческое сердце безъ словъ и часто потрясаютъ цѣлую толпу. Я слышала, какъ всхлипывала за мною глубокоочтимая мною писательница, впечатлительная и нервная женщина; я видѣла, какъ на многихъ веселыхъ и беззаботныхъ обыкновенно глазахъ молодыхъ дѣвушекъ дрожали слезы, какъ поблѣднѣли даже мужскія лица отъ сдержаннаго волненія. Но нервы мои были слишкомъ подняты для обычныхъ слезъ. Я чувствовала себя торжествующей и возведенной на какой-то невиданный мною до-селѣ пьедесталъ. Я чувствовала себя гордой и счастливой, призванной спокойно и съ достоинствомъ принимать эту должную дань. Мнѣ стыдно признаваться въ этомъ теперь, когда миновало это нервное настроеніе, но я хочу быть правдивой до конца.

Моего закадычнаго друга смѣнила пожилая учительница-скептикъ, относящаяся ко всему критически, въ особенности ко мнѣ. И, Боже мой, какъ неизмѣримо дороги показались мнѣ нѣсколько почувствованныхъ и теплыхъ словъ въ устахъ этого скептика!

Въ толпѣ, заслонявшей входную дверь, я замѣтила знакомую мнѣ

фигуру ректора университета и ринулась къ нему на встрѣчу. Наклонившись ко мнѣ, онъ тихимъ и прочувствованнымъ голосомъ сказалъ нѣсколько словъ о той нравственной связи, которая должна существовать между высшимъ учебнымъ заведеніемъ и народной школой. Затѣмъ я увидѣла депутацію, состоящую изъ профессоровъ, членовъ правленія Общества грамотности, — старыхъ друзей, потерянныхъ мною изъ вида, головы которыхъ побѣлѣли за это долгое время, а лица сморщились и приняли старческое выраженіе. Увидѣла прежнихъ учительницъ, вышедшихъ замужъ, обремененныхъ семьей и волею-неволею покинувшихъ школу. Увидѣла красивую пожилую барыню, въ изящномъ праздничномъ платьѣ, а впереди ея шелъ сынъ-студентъ, бывший ученикъ моей семейной школы, съ роскошнымъ букетомъ въ рукахъ. Но прежде всѣхъ, насколько помню я, поздравили меня малютки семейной школы, товарищи моей дочери Христи. Ихъ милыя, улыбающіяся личики, ихъ праздничныя яркія платьица какъ-то смѣшались въ моемъ воображеніи съ огромнымъ вѣнкомъ изъ полевыхъ цвѣтовъ и съ яркими букетами, которыми они засыпали меня. Припоминается мнѣ и еще одна рѣчь человѣка, который долго и внимательно слѣдилъ за всей моей работой; но я не приведу ея здѣсь, такъ какъ онъ слишкомъ ярко и эффектно выразилъ свои думы и чувства.

Когда стало извѣстнымъ, что официальное празднованіе юбилея не состоится, распорядительный комитетъ отправилъ телеграммы всѣмъ лицамъ, высказавшимъ намѣреніе пріѣхать къ этому дню въ Харьковъ. Но иныхъ изъ нихъ телеграммы эти застали уже въ дорогѣ и они прибыли къ намъ 12-го мая. Въ числѣ ихъ была, между прочимъ, учредительница воскресной школы въ Сызрани, которая произнесла слѣдующую рѣчь:

«Позвольте и мнѣ въ сегодняшний день, радостный для всѣхъ, кому дорого дѣло народнаго образованія, привѣтствовать васъ, многоуважаемая Христина Даниловна, и выразить чувство глубокаго уваженія и признательности, которое наполняетъ мою душу. Задумавъ открыть въ г. Сызрани воскресную школу и встрѣтивъ при этомъ не мало препятствій, въ васъ я нашла горячее сочувствіе, содѣйствіе, помощь этому дѣлу; вы меня не оставляли вашими совѣтами, указаніями; ваши письма, полныя энергіи и вѣры, ободряли меня и побуждали къ новымъ усиліямъ и борьбѣ. И, наконецъ, мечта моя исполнилась: теперь и въ г. Сызрани существуетъ воскресная школа, въ которой обучаются 92 ученицы. Если-бы не вы, Христина Даниловна, — этой школы, вѣроятно, не было-бы. Занятія въ теченіе зимы показали стремленіе ученицъ къ знанію, ихъ аккуратность и добро-совѣстность, любовь къ занятіямъ, а полная возможность достигнуть

желанныхъ результатовъ, доставила всѣмъ преподающимъ въ воскресной школѣ дорогія минуты нравственнаго удовлетворенія, поселила въ насъ несокрушимую вѣру въ дѣло, которому мы служимъ, преданность и готовность до послѣднихъ силъ трудиться и идти по избранному пути. И всѣмъ этимъ мы въ значительной степени обязаны вамъ. Поэтому прошу васъ принять нашу сердечную благодарность и пожеланіе, чтобы ваша дѣятельность еще долго, долго будила, направляла и одушевляла молодыя силы на великое дѣло—служеніе просвѣщенію родной земли».

Когда я слушала эту незатѣйливую рѣчь, мнѣ казалось, что устами А. С. говорятъ всѣ тѣ воскресныя школы, на призывъ которыхъ такъ часто откликалась я въ различные концы нашего обширнаго отечества. А тамъ, вдали, какъ-бы затерявшись въ толпѣ, стояла другая учредительница, пріѣхавшая издалека. Она молча смотрѣла вокругъ своими умными глазами и, очевидно, переживала сердцемъ все то, что происходило здѣсь. Мнѣ не требовалось отъ нея словъ,—такъ содержательна была вся наша предыдущая переписка, длившаяся 4 года, такъ много было сказано въ ней.

Еще позднѣе мнѣ принесли матеріалы въ видѣ писемъ, телеграммъ и адресовъ, полученныхъ на имя Общества грамотности, и настоящій вечеръ былъ посвященъ чтенію тѣхъ изъ нихъ, которые, по мнѣнію распорядительнаго комитета, выдавались блескомъ своего ума и силою своего чувства. Среди этого чтенія прибавился еще одинъ близкій дѣлу человекъ—учредительница Тифлисской воскресной школы, прибывшая издалека. Мы долго не видались съ ней и много намъ хотѣлось сказать другъ другу душевныхъ словъ, но общественное дѣло тотчасъ втянуло ее въ себя, и послѣ короткой паузы мы снова занялись тѣмъ-же. Мы перечитывали все это въ тѣсномъ кружкѣ, перечитывали за полночь, но не прочли и десятой доли того, что было намѣчено заблаговременно. Въ матеріалѣ этомъ было что-то ошеломляющее, подавляющее силою ума и чувства. И когда я засыпала, мнѣ казалось, что голова и сердце не въ силахъ вынести всего этого и что я непременно должна заболѣть. Но на другой день я встала здоровою, бодрою и сильною, съ твердымъ сознаніемъ того, какое море сочувствія вызываетъ наше дѣло и какъ крѣпко оно этимъ сочувствіемъ. Я рѣшила отвѣтить на всѣ привѣтствія, полученные мною и въ отвѣтъ на одно изъ нихъ писала слѣдующее:

«Но если вы спросите меня, состоялся-ли фактически юбилей, я, положивъ руку на сердце, скажу, что онъ положительно состоялся. Да и что такое въ сущности юбилей, какъ не море сочувствія, разлившееся вокругъ человека; какъ не стихійная сила, которая высоко подымаетъ нервы и вмѣстѣ съ нервами знамя, которое онъ держитъ

въ рукѣ; какъ не союзъ единомышленниковъ, голоса которыхъ слились въ одномъ дружномъ хорѣ; какъ не праздникъ цвѣтовъ, вѣнковъ, привѣтствій, пожеланій... Все это знала я 13-го мая, все это перечувствовала всѣми силами души, все это кажется мнѣ теперь, при воспоминаніяхъ, какимъ-то сказочнымъ, прекраснымъ сномъ изъ «1001» ночи. Никакія регламентаціи не въ силахъ лишить меня этого реального сна, этого апогеоза моей жизненной работы. И не все-ли мнѣ равно, окружали-ли меня въ этомъ прекрасномъ снѣ роскошныя лѣпныя стѣны думской залы, съ толпою парадныхъ людей, или любимая домашняя идейная обстановка съ близкими лицами, съ любимыми портретами, съ лѣпными изображеніями геніальныхъ людей...

«Иные изъ друзей моихъ, однако, опечалены тѣмъ, что торжество это не состоялось своевременно, какъ-бы имъ хотѣлось. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ утѣшаться еще тѣмъ обстоятельствомъ, что если-бы даже разрѣшеніе г. министра было получено во-время, то члены правленія Общ. грам. лишены были-бы возможности разобраться, какъ слѣдуетъ, за короткое время въ той массѣ телеграммъ, писемъ и адресовъ, которые были получены въ слѣдующіе дни».

Празднество мое, однако, этимъ не кончилось. Въ слѣдующее затѣмъ воскресенье, при входѣ въ школу, я опять встрѣтила возбужденныя лица и сдержанный говоръ; движеніе это было замѣтно не только между учительницами, но и между ученицами; всѣ онѣ перешептывались о чемъ-то, многозначительно улыбались и смотрѣли на меня какими-то особенными, восторженными глазами. Опять меня просили не входить въ общій торжественный залъ и, очевидно, оберегали даже входъ въ него, точно будто я могла ворваться туда силою. Дѣлать нечего, въ ожиданіи занятій, я усѣлась на скамеечкѣ на балконѣ, въ раздумьи о томъ, что собственно онѣ затѣяли. Передъ мною немедленно образовалась толпа ученицъ. Взрослыя вели себя сдержанно, сияясь сохранить до конца общую тайну, а маленькія безъ зазрѣнія совѣсти смотрѣли мнѣ въ лицо, какъ-бы разсматривая какую-то диковинную вещь, на которую кто-то обратилъ ихъ вниманіе. Для меня было ясно, что даже и ихъ, этихъ малютокъ, захватила какая-то невѣданная имъ доселѣ волна общественнаго теченія и, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни заставила задуматься надъ тѣмъ, что это за школа, въ которую ходятъ они, и что это за люди, которые учатъ ихъ? Въ эту минуту ко мнѣ подошла одна изъ учительницъ съ извѣстіемъ, что занятія сегодня не состоятся, такъ какъ это трудно совмѣстить съ задуманнымъ ученицами праздникомъ. Я просто подскочила съ мѣста,—настолько это показалось мнѣ невѣроятнымъ. Какъ, одна изъ пріѣхавшихъ изда- лека учительницъ совсѣмъ не видала школы, жаждала ознакомиться

съ нею—и вдругъ, вмѣсто занятій, ее угостятъ праздникомъ! Нѣтъ, это невозможно!

Къ намъ подошло еще нѣсколько учительницъ. Возбужденъ споръ. И въ концѣ концовъ рѣшено было продлить занятія отъ 10 до 12 ч.

Я подошла къ своей группѣ спокойно и увѣренно. Не могу сказать, чтобы присутствіе постороннихъ подняло на этотъ разъ мои нервы, но за-то не было и сконфуженности, которую испытывала я въ первый разъ при появленіи Э. О. К. Не успѣла я еще развернуть азбуки, какъ прачка Марьяна протянула ко мнѣ чистенькую, новую тетрадку, съ видомъ какого-то особеннаго торжества. Я предположила, что въ тетрадкѣ этой заключается домашняя письменная работа, но, развернувши, прочла слѣдующее:

«Христина Даниловна!»

«Покорно благодарю васъ за ваше добродѣтельство, за то, что выучили меня писать. Никогда не ожидала я такого счастья и радости, чтобы я умѣла писать. Я васъ никогда не забуду; всегда буду молиться за васъ. Дай Богъ вамъ счастья, здоровья, а по смерти—души спасенія!

Марьяна III.»

Само собою разумѣется, что рукопись эта была полна грамматическихъ ошибокъ, но все-таки она являлась для меня живымъ документомъ достиженія завѣтной мечты прачки Марьяны. Не успѣла я выразить своей признательности Марьянѣ, какъ ко мнѣ робко протянулась рука другой моей ученицы, Елены Б., и, покраснѣвши до ушей, она подала мнѣ листъ писчей бумаги, сложенной вчетверо. Я развернула его и увидѣла длинное, предлинное стихотвореніе, написанное крупнымъ дѣтскимъ почеркомъ. Почеркъ этотъ принадлежалъ, однако, не моей ученицѣ, а ея малолѣтнему брату, ученику приходскаго училища, о которомъ она не разъ рассказывала мнѣ. И только въ концѣ стихотворенія я увидѣла ея фамилію, подписанную собственноручно. Оказалось, что Елена Б. самостоятельно складывала свои незатѣйливые стихи, въ которыхъ не было, пожалуй, ни истинной поэзіи, ни правильной риѣмы, но которые все-таки показались мнѣ трогательными. Приведу здѣсь изъ нихъ хоть нѣсколько строкъ:

«Я прежде читать и писать не умѣла;

«Была я темна, какъ осенняя ночь.

«Мнѣ свѣтъ показала воскресная школа.

«Теперь что-нибудь сочинить я не прочь».

Далѣе говорилось о великодушій тѣхъ людей, которые оглянулись на невѣжество темнаго люда; призывалось на нихъ благословеніе неба; сулилась имъ награда въ загробной жизни и, наконецъ, высказывалась невозможность передать словами всѣхъ чувствъ, наполнявшихъ душу.

Поблагодаривъ Елену Б. и тщательно уложивъ въ свой портфель эти два драгоценные для меня документа, я приступила къ занятіямъ. Я занималась ровно, толково, съ сознаніемъ благопріятныхъ результатовъ, которыхъ достигла я за это полугодіе, и обращая на нихъ вниманіе постороннихъ лицъ. Время отъ 10 до 12 час. прошло быстро; наконецъ; завѣтныя двери залы открылись настежь, и я дѣйствительно увидѣла нѣчто необычное: всѣ стѣны были украшены прекрасными зелеными гирляндами изъ свѣжихъ листьевъ; на импровизированномъ цвѣточномъ пьедесталѣ стоялъ мой большой портретъ; маленькіе яркіе флаги выглядывали изъ за вѣнковъ, придавая еще болѣе торжественности и красы всему этому, со вкусомъ задуманному, убранству; даже самый аналой съ Евангеліемъ покоился на мягкомъ коврѣ свѣжей зелени и полевыхъ цвѣтовъ. И отъ всего этого опять пахло на меня весною и радостью. Направо выстроился въ рядкѣ огромный школьный хоръ, а у аналая стоялъ законоучитель въ праздничной ризѣ, съ крестомъ въ рукахъ. Началось молебствіе.

Праздникъ былъ организованъ по инициативѣ ученицъ, и на первомъ планѣ стоялъ молебенъ.

Школьный хоръ пѣлъ стройно, звучно, съ какимъ-то особеннымъ, прочувствованнымъ выраженіемъ, и все вокругъ казалось тепло, свѣтло и радостно. «Многая лѣта, многая лѣта»... подхватывали молодые голоса возгласы священника.—«Учащимъ и учащимся многая лѣта!» произносилъ онъ тихо и съ разстановкой. «Многая лѣта»... вторилъ ему стройно хоръ. Но когда онъ провозгласилъ: «учредительницѣ, руководительницѣ школы, Христинѣ Даниловнѣ, многая лѣта!»—возгласъ этотъ отдался какимъ-то громовымъ эхомъ въ ученическомъ хорѣ, и всѣ невольно вздрогнули,—столько было въ немъ могущества и силы.

По окончаніи молебствія законоучитель обратился къ ученицамъ и сказалъ имъ нѣсколько теплыхъ и прочувствованныхъ словъ. Никто не записалъ ихъ для памяти, за-то каждый, кто слушалъ ихъ, навѣрное прочувствовалъ всѣмъ сердцемъ и навсегда сохранилъ о нихъ доброе впечатлѣніе.

По окончаніи его рѣчи изъ толпы выдвинулись старѣйшія изъ ученицъ, и одна изъ нихъ голосомъ, полнымъ трепета и волненія, прочла слѣдующій, составленный ею отъ имени сотоварищей по школѣ, адресъ:

«Глубокоуважаемая и дорогая наставница
Христина Даниловна!

«Вотъ ужъ 30 лѣтъ, какъ вы ведете общественное дѣло, 30 лѣтъ, какъ трудитесь для блага народа, для народнаго просвѣщенія. И за

это время сколько сдѣлали вы славнаго, добраго, хорошаго, сколько принесли общественной пользы! Вы открыли бесплатную воскресную школу, въ которую принимаются ученицы всѣхъ возрастовъ, а главное—взрослыя, которыя не могутъ учиться въ ежедневныхъ школахъ, и не будь воскресной школы—онѣ остались-бы безграмотными. Много трудовъ, неудачъ, горестей и непріятностей стоило вамъ открытіе воскресной школы, но вы все перенесли терпѣливо, не бросивъ своего дѣла. Открывъ школу, вы позаботились о ея благоустройствѣ; съ каждымъ годомъ вы вводили новыя улучшенія, завели при школѣ бесплатную библіотеку и этимъ дали возможность ученицамъ читать книги, развиваться, приобрѣтать свѣдѣнія. Какой порядокъ въ школѣ! И все это благодаря вамъ, вашей неусыпной дѣятельности. Какъ преданы вы своему дѣлу, съ какою любовью относитесь къ нему; вы всю душу вкладываете въ него, и какъ любите насъ, научаете всему хорошему, стараетесь прививать намъ все честное, доброе, благородное! А мы чѣмъ-же можемъ высказать свою признательность и любовь за добро ваше? И потому, какъ несказанно рады мы сегодняшнему дню, который намъ даетъ возможность поздравить васъ съ 30-лѣтнимъ юбилеемъ дѣятельности вашей и, въ благодарность за многолѣтніе труды ваши, заботы и хлопоты, принести отъ всего искренняго сердца, отъ всей души свой скромный подарокъ и трудъ. Примите-же его и пусть онъ послужитъ выраженіемъ нашей искренней любви къ вамъ и той особенной радости, которой преисполнены сердца наши въ нынѣшній день! Одно наше всегдашнее желаніе и просьба къ Богу: да сохранитъ Онъ васъ на много лѣтъ; да не лишитъ насъ нашей дорогой, милой учительницы; да пошлетъ вамъ полное земное счастье, здоровье и невозмутимое душевное спокойствіе!

«Искренно любящія васъ и глубоко преданныя вамъ ученицы воскресной школы!»

(Слѣдуютъ подписи).

Подъ адресомъ стояло около 300 подписей. Адресъ этотъ, тщательно переписанный на бумагѣ, украшенной розами, былъ заключенъ въ такую роскошную папку, передъ которой меркли всѣ плюши и бархаты, полученные мною, все артистическое искусство мастеровъ-переплетчиковъ. По бѣлому атласу, изъ котораго была сдѣлана папка, были вышиты съ необычайнымъ изяществомъ шелкомъ голубыя незабудки и надпись: «Дорогой наставницѣ Х. Д. Алчевской. Отъ ученицъ Харьков. частн. жен. воскр. школы. 17 мая 1892 г.». А выполнялась эта работа не въ свободныя минуты досуга, не въ свѣтлой комфортабельной комнатѣ, а по ночамъ, въ часы, оторванные отъ сна, въ какой-нибудь конуркѣ, при догорающемъ огаркѣ... Гдѣ-же та денежная такса, которая способна оцѣнить правильно подобный

трудъ, если-бы сердце человѣческое оказалось неспособнымъ на эту оцѣнку?!

По прочтеніи адреса я увидѣла группу моихъ ученицъ, подвигающуюся ко мнѣ; впереди всѣхъ шла Маша съ букетомъ въ рукахъ и съ такимъ веселымъ, сіяющимъ лицомъ, какое было у нея при первомъ шагѣ въ школу.

Затѣмъ выступила Л. Г. Е. съ простою, задушевною рѣчью, обращенною къ ученицамъ. Она говорила имъ о значеніи школы и о томъ человѣкѣ, тридцатилѣтіе котораго праздновалось теперь. Мнѣ невыразимо захотѣлось сказать ей что-либо въ отвѣтъ, причемъ я почувствовала, что могу говорить только о взаимныхъ симпатіяхъ и любви. И опять я видѣла кругомъ глаза, увлажненные слезами, и опять чувствовала себя сильной, бодрой и счастливой...

Да, этотъ праздникъ навѣрное надолго запечатлѣлся не только въ сердцахъ взрослыхъ ученицъ, но и въ памяти тѣхъ малолѣтокъ, которыя толпой стояли передо мной до начала его и глядѣли на меня, какъ на заморское чудо. Въ подтвержденіе такого предположенія я приведу здѣсь одинъ характерный случай, происшедшій на-дняхъ.

Иду я по направленію къ университетскому саду и вижу, какъ изъ воротъ незнакомаго мнѣ дома выходитъ старушка-няня съ ребенкомъ на рукахъ, а за ней вдогонку маленькая дѣвочка, лѣтъ 9—10. Очевидно, дѣвочка собралась гулять, когда няня была уже за воротами, и теперь наскоро, нѣсколько криво повязываетъ на головѣ свой красненькій платочекъ; старенькая няня идетъ медленно, и я скоро опережаю ихъ на значительное разстояніе. Но дѣвочка, видимо, торопитъ старушку: она подталкиваетъ ее подъ локоть и что-то лепечетъ ей, заглядывая въ лицо и какъ-будто указывая глазами на меня. Я замедляю шаги, и въ саду это trio, наконецъ, настигаетъ меня. Лицо и глаза дѣвочки улыбаются мнѣ, она краснѣетъ, но не рѣшается, видимо, поклониться, сомнѣваясь, признаю-ли я ее. Я вглядываюсь въ это милое дѣтское личико, въ эти большіе сѣрые серьезные глаза и узнаю въ ней ученицу нашей школы. Въ отвѣтъ на мой поклонъ, ребенокъ говоритъ тихо: «Маня Д. изъ группы учительницы Д.». Старушка тоже привѣтливо киваетъ мнѣ головой и приближается ко мнѣ съ доброй улыбкой.

— Пойдемъ вмѣстѣ!—говорю я. И мы идемъ рядомъ.

— Господи! ужъ какъ я рада повидать васъ, поблагодарить за мою дѣвочку-внучку,—говоритъ она, улыбаясь своимъ беззубымъ ртомъ.—Не будь вашей школы—не доучиться-бы ей грамотѣ, какъ слѣдуетъ, до конца. Положимъ, у нея мать грамотная, только рабывать ей приходится за десятерыхъ,дохнуть некогда... въ госпиталѣ

въ прачкахъ живетъ... Покойный отецъ ея немножко приучилъ ее къ грамотѣ, но только самую малость. И не будь вашей школы, пожалуй, и то позабыла-бы.

— Значить, онъ тоже былъ грамотный?—перебила я старушку, чтобы чѣмъ-либо выразить свое желаніе слушать ея рассказъ.

— Нѣтъ!—отвѣчала она съ грустью,—кабы онъ былъ грамотный, и женѣ не пришлось-бы въ такой каторжной работѣ бытъ. Онъ за это самое жилъ въ простыхъ чернорабочихъ, получалъ маленькое жалованье.

— Хозяинъ говорилъ ему,—перебила бабушку Маня, слышавшая, очевидно, не разъ этотъ рассказъ,—еслибъ ты грамотный былъ, и жалованье-бъ тебѣ было не то, и почетъ не тотъ.

— Но какъ-же онъ, неграмотный, научилъ Маню грамотѣ?—спросила я въ свою очередь не безъ удивленія.

— А вотъ какъ,—начала опять старушка,—придетъ онъ домой въ воскресенье или въ праздникъ какой, сейчасъ къ женѣ: «покажи Манѣ грамотѣ!» Той и некогда, одни счеты замучили: мыло запиши, синьку запиши, крахмалъ запиши, все запиши; не будь грамотная, совсѣмъ попуталась-бы, а послѣ отвѣчала-бъ. Но, дѣлать нечего, оторвется, покажетъ немножко, а онъ будетъ сидѣть надъ дѣвченкой до тѣхъ поръ, пока она усвоитъ себѣ показанное—букву тамъ какую выведетъ, что-ли... Такъ и приучилась!

Слушая непосредственный рассказъ старушки, мнѣ стало до слезъ жаль покойнаго чернорабочаго, отца Мани, придававшего такое огромное значеніе грамотѣ, и я въ первый разъ задала себѣ вопросъ, права-ли я, совѣтуя обыкновенно открывать не мужскія, а женскія воскр. школы, въ предположеніи, что женщина—мать, сестра—внесетъ больше свѣта въ семью и явится болѣе дѣятельной пропагандисткой грамоты, чѣмъ работникъ-мужчина.

— И откуда только эти воскресенскія школы пошли и кто ихъ первый устроитель,—за него слѣдуетъ Богу молиться!—продолжала умиляться старушка.

— А почему-бы вамъ Маню въ ежедневную школу не отдать—въ ремесленную, что-ли? тамъ больше-бы успѣла въ грамотѣ,—сказала я,—да и плата не Богъ знаетъ какая: кажется, 5 рублей въ годъ.

— 5 рублей!..—повторила за мною многозначительно старушка.—Это господамъ только кажется, что это немного. Вотъ хоть-бы насъ взять съ дочерью: я за одинъ хлѣбъ и одежду живу,—стара стала, руки трясутся, развѣ самага маленькаго ребенка могу удержать; а у дочери, кромѣ Мани, куча дѣтей. И все на одну голову... Одни балмаки замучаютъ... Гдѣ-же тутъ возьмешь 5 р.?.. 5 рублей!..—

продолжала ворчать старушка.—А когда-то и я хорошею нянькой была,—начала она, воодушевляясь,—даже изъ уѣздовъ за мною прѣзжали, бѣльшимъ жалованьемъ приманивали, только я, какъ привяжусь, бывало, къ дѣтямъ, къ семейству, хоть вы передо мною кучи золота разсыпайте—не пойду. Да и любили-же меня вездѣ дѣти, не могу даже вамъ рассказать какъ! Если приходилось иногда, что разсчитаютъ по какому-либо случаю,—не могутъ дѣти къ другой нянькѣ привыкнуть—и только. Да и то, сказать правду, няньки бываютъ разныя: иная угрозой, запугиваньемъ отъ себя ребенка отшатнетъ, а дитя чувствуетъ любовь, съ нимъ ласкою и уговоромъ—что хочешь сдѣлаешь. Вотъ хоть-бы и въ вашей воскресной школѣ!.. Въ одной рубашонкѣ она съ утра была, не мыта еще и не чесана, а какъ завидѣла васъ въ окошко: «бабушка, бабушка, и я съ тобой гулять пойду!» Говорю ей: «куды тебѣ! я вонъ дитя уже собрала, закутала», а она въ одну минуту, какъ встрепанная, одѣлась и выскочила; шепчетъ: «я тебѣ, бабушка, нашу главную учительшу покажу, которой прошедшее воскресенье 30 лѣтъ праздновали». И ужъ задали вы имъ хлопотъ и тревогъ съ этимъ праздникомъ!—продолжала старушка,—три ночи сряду не спитъ моя дѣвочка да и только; задремить, задремить, а тамъ подскочить: «бабушка! нынче суббота или воскресенье? какъ-бы не проспять!» Ужъ такъ ждала, такъ ждала этого воскресенья, какъ свѣтлаго праздника. И рассказовъ потомъ было на цѣлые дни: и какъ залу цвѣтами убирали; и какъ согласно пѣли—все тихо, тихо, а какъ произнесъ диаконъ: «Христинѣ Даниловнѣ многая лѣта!»—какъ гаркнутъ онѣ во все горло, точно будто изъ одного хора два хора сдѣлалось; и какъ худенькая учительница говорила, что и въ другихъ городахъ такія-же воскресенскія школы устраиваются на манеръ нашей; и какъ Христина Даниловна просила любить всѣхъ учительницъ... Все, все, какъ есть, рассказала; да и не одинъ разъ, а нѣсколько разъ сряду; взглянетъ на картинку, что подарили ей на этомъ праздникѣ, и опять рассказывать... А ужъ какъ она чтеніе полюбила съ тѣхъ поръ, какъ въ школѣ,—просто отъ книжки не оторвешь! Говорю ей съ вечера: будетъ, Маня, туши свѣчку, нельзя ребенку глаза свѣтомъ выпекать, а она: «сейчасъ, бабушка, сейчасъ! одинъ только листикъ дочитаю!»... И что только съ нея будетъ?!—задумалась грустно старушка.

Маленькій ребенокъ началъ хныкать и ворочаться въ пеленкахъ. «Сейчасъ, сейчасъ, голубчикъ мой, пойдемъ къ мамѣ, мама кушать дастъ», приговаривала нѣжнымъ голосомъ няня и стала прощаться со мною. На прощанье она еще больше умилилась и стала утирать слезы пеленкой на своихъ сморщенныхъ, старческихъ глазахъ. «Дай

вамъ Богъ, дай вамъ Богъ!..» сопровождала она свои многочисленныя пожеланія. Я сѣла на скамеечку и видѣла издали, какъ губы ея все еще продолжали шептать что-то и какъ она перекрестилась даже, выходя изъ сада.

«О, эти благословенія! эти святыя, чистыя благословенія! неужели не оградятъ они меня отъ клеветы, вражды и злобы?!» думала я, вспоминая инсинуацію, помѣщенную въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» и принадлежащую перу людей, кторыхъ я считала когда-то своими друзьями.

Продаются во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ
Петербурга и Москвы

СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ ШКОЛА“

1) Мысли о воспитаніи. *Джона Локка*.
Переводъ съ англійскаго. Петра Вейн-
берга. 1891 г. Цѣна 1 руб.

2) Душа ребенка въ первые годы жизни.
Двѣ публичныхъ лекціи приватъ-до-
цента *Н. Н. Ланге*. 1892 г. Цѣна 40 коп.

3) Цѣль и средства преподаванія низ-
шей математики съ точки зрѣнія общаго
образованія. *С. И. Шохоръ - Троукаго*.
1892 г. Цѣна 60 коп.

4) Женское образованіе и общественная
дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ
Штатахъ Сѣверной Америки. *П. Г. Ми-
жуева*. Цѣна 50 коп.

5) Вопросъ объ образованіи русскихъ
евреевъ въ царствованіе императора Ни-
колая I-го. *А. В. Бълеукаго*. Цѣна 1 руб.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

(6-й годъ изданія).

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ теченіе 1895 года въ «Русской Школѣ» напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи: 1) Изъ пережитаго (Мое первое знакомство съ К. Д. Ушинскимъ). Д. Д. Семенова; 2) Полгода изъ жизни воскресной школы. Х. Д. Алчевской; 3) Провинціальный пансіонъ полвѣка назадъ. Н. П. Вагнера; 4) Обзоръ дѣятельности С.-Петербургскаго Комитета грамотности за тридцать три года его существованія. И. А. Горчакова; 5) Принципъ экономіи силъ и теорія воспитанія Платона. Е. А. Соловьева; 6) Исправительное воспитаніе въ Россіи. Н. О. Арепьева. 7) Нервность и отношеніе къ ней эмоціи и воли въ условіяхъ школьной жизни. Д-ра А. С. Вирениуса; 8) Объ эстетическомъ развитіи и воспитаніи дѣтей. П. О. Каптерева; 9) О концентраціи ученія. Проф. А. Д. Вейсмана; 10) Настоятельный вопросъ учебной практики въ нашихъ гимназіяхъ. Проф. Ю. А. Кулаковскаго; 11) Еще къ вопросу объ экзаменахъ въ нашихъ гимназіяхъ. К. Н. Шульгина; 12) Основы дидактики. Д. И. Тихомирова; 13) Педагогическія мечты Коменскаго. П. Г. Мижужева; 14) Дополнительные школы въ Германіи. К. К. Сентъ-Илера; 15) Коммерческое образованіе въ Австріи и во Франціи. А. Я. Острогорскаго; 16) Организациа низшаго сельско-хозяйственнаго образованія въ Германіи, преимущественно въ Пруссіи. Д. Бирюкова; 17) О реформѣ сельско-хозяйственнаго образованія. М.; 18) О школьныхъ садахъ. В. А. Вагнера; 19) Сельско-хозяйственное образованіе въ Россіи. Вл. Б—ча; 20) Сельско-хозяйственное образованіе въ Сибири. П. Сурина; 21) Сводъ свѣдѣній о дѣятельности губернскихъ земствъ по народному образованію. Д. Д. Лобанова; 22) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1894 года. И. П. Бѣлоконскаго; 23) Нѣкоторыя необходимыя условія обязательности или всеобщности начальнаго образованія народа. А. М. Тютрюмова; 24) Сознана-ли населеніемъ потребность во всеобщемъ обученіи? А. О. Гартвига; 25) Педагогическія письма (Письмо третье). Письменные работы и устное преподаваніе. И. О. Анненскаго; 26) Къ вопросу о развитіи устной рѣчи учащихся. Юрія Галабутскаго; 27) Три урока словесности. Ц. П. Балталона; 28) Домашнія письменныя работы въ старшихъ классахъ гимназіи. И. Н. Марковина; 29) Опытъ методическаго введенія въ алгебру. В. Л. Розенберга; 30) Нужны-ли учебники Закона Божія въ начальныхъ школахъ? А. О. Соколова; 31) Обученіе чтенію. А. И. Анастасьева; 32) Черченіе и рисованіе въ народныхъ школахъ. В. Ч.; 33) Критика и библіографія (болѣе 60 рецензій); 34) Педагогическая хроника (около ста статей и замѣтокъ); 35) Разныя извѣстія и сообщенія.

76

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

